

... and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Светлана Леонтьева

Полынь-ягода

$$P_2(V_1 - V_2)$$

$$\frac{\pi}{2} \leq \theta \leq \pi$$

$$x \text{ end } \pi, y = 5$$

$$= A + B \cos \pi$$

$$\theta \leq \theta \leq \pi$$

$$= A - B$$

$$\cos \pi = -1$$

$$= A - B$$

Светлана Геннадьевна Леонтьева

Полынь-ягода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63946976

SelfPub; 2021

Аннотация

Действие главных героев повести происходит в наши дни. Поэтому происходящее разветвляется на записи в социальных сетях, монологи, диалоги, письма. Многие из нас привыкли получать разного рода сообщения по электронной почте, мессенджеру. Но бывают такие события, которые закручивают гайки самостоятельно без каких-либо усилий. И вопрос в том – кто ты? Человек сам себе предоставленный или нужный для чего-то. Каков замысел вселенной? И неожиданный толчок – извне, из писем чужого человека: у вас есть дедушка! Поэтому поиск главной героини – найти своего настоящего деда, а не того, кого предложили со стороны. И следы родного деда привели Агату в далёкую деревню в Сибири... Многие действия Агаты кажутся хаотичными, то она бросается спасать человечество всё целиком, но оказывается, что даже не сможет спасти себя от неудачной, невзаимной, но роковой любви.

Светлана Леонтьева

Полынь-ягода

ЧАСТЬ 1

КУШ

Запись на странице в социальных сетях:

...искать пульс. Ищу его на запястье. Ищу его в воздухе. Ищу его везде, где могу: в сквозняке, дожде, снегу, сидя в трамвае, дыша на замёрзшее стекло. Дышу и ищу. Думаю и ищу. Не потому что боюсь, мол, не найду. А потому что пульс человека – это часть матрицы. Часть общего. Никто об этом не знает, лишь я, трогающая эту пульсацию, находя жизнь. Ощущаю везде: на лекции в университете, в пустом, медленнодвигающемся автобусе, грузном, ползущем по городу вечернему, из него, как из некоего сосуда выплывают рыбками люди в пространство вечера, и теперь автобус проезжает мимо кладбищ, магазинов, торговых центров, рекламных щитов. Не цареградских. Я ищу пульс на запястье, сидя на поленице за сараями, потому что я маленькая тогда была и любила лазить с мальчишками, соперничая, кто быстрее и ловчее. Я всегда побеждала. Я ищу пульс в машине скорой помощи, когда меня везут уже старую, столетнюю старуху, наверно, я тогда разболелась чем-то возрастным, например сердцем. Но сердце – это часть пульса. И я нахожу его тон-

кую, цыплячью вздрагивающую нить. Я люблю пульс, когда он бьётся, как сумасшедший словно сам по себе в мироздании, в моей шее, в горле. Я нахожу свой пульс в узком коридоре роддома, в своём огромном животе. Я помню, как я сидела в комнате, душной, полной каких-то бабочек, чего-то порхающего между рам, мотыльков, и я думала, что мне надо нажать на запястье, чтобы найти пульс. Свой. Твой. Его. Мой. Я искала пульс, меня обнимали ветками кусты, прижимались ко мне деревья. Мой пульс что-то кричал мне, когда я ехала в долбаный онкологический центр за результатами скрина. А точнее отщипа кусочка ткани из меня, ибо иначе невозможно было понять, что со мной творилось. Я слышала, как бьётся пульс, читая книги. На съёмной квартире, на даче, в комнате у бабушки, где вечно ругались соседи на кухне. Я слушала его удары, листая страницы учебников по филологии, Канта, Якобсона, Маяковского, «Этику», «Капитал», антологию русской поэзии. Тогда все бастовали, жгли Белый дом, дом Советов, толкались на рынке, в Канавино, на Мещере, на Болотной площади и Марсовом поле. Я плакала и хотела от тебя уйти, я прижимала детей, гладила их по голове, а пульс сам по себе вырыдывал свои ритмы. Я просто глядела в глаза детям, прижималась лицом к их лицам и находила на маленьких запястьях их пульсы. Такие же цыплячьи.

Иногда я сама превращалась в один сплошной пульс. Я – пульс. Пульс пульсов. Пульс себя. Пульс раздающий жизнь,

как вай-фай, пульс мыслящий политически, механически, на бытовом уровне, пульс – это активная субстанция. Можно пульсом делать революцию, менять президентов на ещё более президентного, менять правительство. Можно изменить строй, политику, армию, суд. Пульс – это начало. Матрица. Это часть пульсации всеобщей. Ученые ещё не открыли корневую его суть, не проникли в код. Они думают, что такие махонькие удары – это лишь следствие. О, нет, это причина. Объединяя все коды пульса, делая его цикличным, управляемым, можно совершить революцию. Отобратить деньги у богатых и раздать их бедным. Можно двинуть войска, победить терроризм, парализовать работу иных государств, заставить Афганистан не выращивать марихуану, принудить, покорить. Не цифрой. Цифру можно обмануть, умножить или разделить, вычесть или сминусовать. Пульс не сминусуешь. Он любовь. Он политика, философия, история. Он монолог и диалог, он пьеса, он Шекспир. Надо лишь уметь управлять пульсами всех пульсирующих людей. Чтобы они забились в один такт.

И положить государство в ладонь себе. Тот, кто владеет шифром, тот владеет миром.

Я не одна. Мы вдвоём. Я и мой пульс. Я за токарным станком, вытачиваю деталь, нужную для автомобиля. Мне шестнадцать лет. Я прохожу практику в техникуме. И деталь выскакивает у меня из рук, режет мне кожу на запястье там, где пульс. Мой пульс пуст. Конечно, вызовут врача, увезут, за-

шьют рану. Но они не раскодируют мои удары. Они не найдут код пульсации всего человечества.

Мне всего шестнадцать лет, но я знаю нечто большее, как мне кажется, нет, я уверена, что совмещая в ритмах танца пульсы всего человечества можно добиться гармонии. Человек несовершенен. Он никогда не станет таким, как Бог. И мой мальчик пообещал на мне жениться. А мне всего шестнадцать. Он сидит в тюрьме. Я еду к нему. Это в Сысерти. Есть такой посёлок для отбывающих наказание. Посёлок никто не охраняет потому, что до него добраться трудно. Он в горах. На Урале. И в маленьком узком вагончике, мой мальчик овладевает мной. Это же так естественно. Он молод. Ему девятнадцать лет. Я чувствую биение его пульса. Затем он зачем-то мне делает предложение, обещает поехать к родителям. Но это так глупо: моя любовь уже прошла. Земное и небесное несовместимо. Земное убило небесное. Романтическое. Зачем надо было ложиться на меня? Молить: молчи! Прошу! Не бойся, это не больно! Но самое смешное, что я осталась не порочной, то есть не взятой, у меня, во мне всё осталось таким, как было, целым, не разбитым, не треснутым. Дурак, этот мой первый мужчина. Поэтому я лежу на пустоши. В пустыне себя, сотни зверей скребутся внутри меня. Нет, это не кошки, как говорит бабушка, это тигры, обезьянки. Они прыгают по волосам, запутываются в них. Слоны топчут мою грудь. Так ушла любовь. Первая. Кусок пульса отмер, словно его поместили на территорию атавизмов

вместе с аппендиксом, но остальная здоровая его часть стала пульсировать пронзительнее и жизнеспособнее, моя любовь осталась в дебрях кровавых жестких слёз. Молоденькие девушки – любят протесты, они могут маршировать нагишом, могут обнажать грудёшки, могут взбираться на столы, танцуя. Я не такая. У меня есть пульс. Он должен ровно и мерно биться под кожицей. Протест – помеха этой ровности и гладкости. Итак, я переплюнула учёных. Я нашла способ управлять миром. Я трогаю пульс самого мироздания. Он гладкий по краям и хромосомный внутри. Такая твёрдая шишкастая хромосома. Она помогает мне выйти из пустыни. Из пустыни себя. Она помогает мне найти дорогу. Вы думаете, что можно деньгами управлять миром? Да, на какое-то время это возможно, ибо человек жаден, сребролюбив, если, конечно, он не атавичен. И у него не отмер орган, отвечающий за накопительство. Но за излишним богатством наступает чувство перенасыщения. Приходит пустыня. Она приходит всегда, как от излишества, так и не до насыщения. Человечество – самовоспроизводящаяся субстанция. Вы видели огромный гриб внутри вселенной – вы видели мицелии этой грибницы? Нет. Я тоже не видела. Но я её представляю, как Бог представил Адама и Еву. А те родили детей. И отчего-то Каин был первенцем. А Авель вторым. И ещё у них были сестры и братья. Их было не меньше шестисот. Воссоздавшийся сам по себе род, говорящий слово «пустыня», где жар и песок. Жар мужской и жар женский. Разные виды

пульсаций. Их надо соединить. Потти, Потти! – так зовёт меня на похороны подруга Галя. Её брата привезли в цинковом гробу, такой мешочек с костями и черепом. А пульса нет. Нет лица, нет кожи, нет жил, связок. Лишь мешочек, катающийся внутри гробика. Некая субстанция для корма червячков, потому что всех надо кормить – собак, кошек, попугаев. Брат Гали холодная бомбочка без заряда. То есть без пульса. Бабочка не летящая, лаковая, с опущенными крылышками. Потти, Потти! Так меня дразнила старшая сестра. Я не люблю эту кликуху. Мы тогда напились на поминках. Я впервые попробовал красное вино. И нет сил сказать, нет возможности распульсировать смерть. Но я найду возможность управлять пульсом. Даже мёртвые будут иметь пульс. Как часы. Они будут идентичны пульсу. Группы яростных мужчин будут приводить в движение пульсы переставшие биться, специальное колесо, будет вращаться группой мужчин, потому что это лучше, чем сидение в бане, вызов проституток, измены женам. Индустрия разврата и пошлости будет побеждена при помощи внедрения нужных ударов пульса. Полезных ударов внутри человечества.

– Потти! Потти!

Да какая я тебе, блин, Потти. Агата я. Если хотите, Анна. Как Каренина. Ей тоже нужно было следить за пульсом. Чтобы не петь прощальный плач. Помните это: «А я получила письмо из Москвы. Мне пишут, что Кити Щербацкая совсем больна...»

И эти поцелуи в лицо, в шею, бедра. Мои бедра напичканные поцелуями мужчин. Как ножами. Я пересчитываю деньги, полученные за боль, смерть, любовь. Галя, я пьяна. Потому что мы похоронили твоего брата, наверно, он был влюблен в меня. А как же! Все мальчишки нашего двора были влюблены в меня. И в классе. И в техникуме. Они дрались за меня. И одного из них, кого я любила, арестовали. А ведь мы – ты, я, твой, Галя, брат маршировали вместе со студентами на каком-то глупом сборе, а потом хоронили твоего брата. Бокал вина – глупый, пьяный, сбой пульса. Больше не буду пить. Это мешает моему всеобщему процессу. Я люблю поцелуи в шею. Люблю засосы на груди. Эти синенькие червячки оставленные губастыми юношами. Брат Гали был тоже губастенький. Он из могилы, как мне потом казалось, тянул ко мне свои мертвые юношеские сомкнутые уста. Я не позволила ему тогда, когда он был жив, поцеловать себя. Недоступная – Потти! Все во дворе знали это. А тот, первый, глупый, не знал. Но не об этом страдания мои. И мысли тоже. А о том, что я была в розовом, шелковом, с рюшками и кружевами платье. Что на мне было великолепное бельё. Чулочки с резинками. Он разрушил романтику. Он убил розу мою. И я не поняла суть наслаждения. И потом лет до двадцати пяти охраняла свою нетронутость. Ибо, не разбил, дурак, зеркальце, ваниль целостную, целлюлозу. Лишь попытался вникнуть в коридорчик, чуть приоткрыл дверцу деревянную.

Не люблю писать слово деревянную с двумя «нн», вот дровяную люблю. Деревяшную. Полешную. Но дело не в нём и не в них. А в большой лжи. Вы думаете, что людей и вправду надо лечить таблетками? Этой химией пичкать? А вот и нет. Ещё в институте я поняла это. Теория проста: нас изнутри ест пустыня. Да-да! «...они едят тело моё, эти роботы белого порошка, эти аспиды эмульсий, эти бесконечные анальгины, аспирины, пенициллины, сульфаниламиды, эти могильщики наши!» Иногда ножевые ранения моего пульса мне нужны! Они вырезают из меня ненужное. Химическое. Чужое. Наносное.

Галин брат мёртв. Мой пульс так бился, что вырвал с корнем страх перед мертвецом, вырубил во мне боязнь, гной, боль, крик.

Пульс – это звезда. Звезда волчья. Бреди сорок лет по пустыне. Води людей за собой. Стань одиноким Иовом. У меня плохое образование. Я путаю имена. Даты. События. Это даёт сбой пульс. Я его плохо настроила. У него ошибка в программе.

Но я всё могу исправить.

Я изобрету прибор для людей. Каждому по прибору. Точки высоких пульсов. Люди будут читать лишь то, что предложит мой пульс. Они не станут брать для чтения пошлые романы. Эти детективчики безъязыкие, эти дамские книги про сплошные измены, секс, смерти. Эту дурь.

Иду по улице. Мне не надо спрашивать путь. Мне не надо

просить закурить, мне не надо продавать свои книги. Мои книги расходятся сами собой. Они лечебные. В них зашифрован код пульса. Кто расшифрует, обессмертится. Именно в последней главе – убьют дракона. Найдут скрижаль. И четыре брата встретятся.

Лишь надо дочитать до последней главы. Иди со мной. Иди! Пробирайся! Допей своё пиво. Сделай последнюю затяжку, допей воду, я сижу одна на крыльце. И рыдаю по всему человечеству. Идите ко мне все! И ты иди! Нет не тот, кто дурак. А умный. Должен же где-то он быть. Меня достойный? Не пьянчуга, как тот врач, влюбившийся в меня, одинокий. Не гастроэнтеролог Серж, отправивший меня в онкобольницу, тоже влюбившийся неожиданно. А ведь женатый, подлец! И это его вкрадчивое: сдай анализы. Ага! Хрен тебе!

Лишь ты!

Ты!

Равный мне. По ударам пульса. Да, пусть, ты пока с другой. Но я – та самая! Ты искал меня, ждал, молил всю жизнь. Вот умрешь, как брат Гали, и не найдёшь меня! Будь с другой пока. Будь в другой. Но встретив меня – узнай!

В созерцаниях, в биениях, в ударах пульса. В людях, стоящих у экрана. В людях спорящих. Сгорающих, тонущих, болящих, воюющих, ибо везде война. Пульс тоже война. И мир. Как у Толстого. Я бы так и сказала война и мир пульса моего.

Ты пал. Ты не дошёл. Поэтому я должна пойти туда, выз-

волить тебя. Ибо дракон уже родился. И скрижали начертаны. А воронка крутится. Как жернов.

ПИСЬМО ИЗ НИГЕРИИ на электронную почту Агаты Поти:

«Товарищ Поти! Мой моб: +234 803 3910079, я адвокат Олуфемиде Лиджаду. У меня есть важное сообщение для вас о несчастье – г-н Дем Лемиде Поти, кто есть моим клиентом гражданином вашей страны, что несут тот же фамилию с вами, и его фонд оценивается в US 313.580 млн. долларов есть в одном из банка здесь, в моей стране Его в результате аварии, но г-н Дем Лемиде Поти жив, он в коме. Если ваша фамилия на самом деле (Поти), любезно свяжитесь со мной, как только вы получили это сообщение для того, что бы позволить по доверенности Вам распоряжаться имуществом на время его неизлечимой комы. Пожалуйста, свяжитесь со мной для более подробной информации и как поступить. Я жду вашего срочного ответа.

Вы можете взять эти деньги себе, по усмотрению. Г-н Демиде Лемиде Поти так распорядился. Если болеть, то вы хозяин»

Кто из нас не получал подобного рода писем? Но никто не верил им.

Есть письма намытые рунами. Как золото, добытые из недр. Их не просто читать, а вдыхать. Письма любимого.

Под песню Виктора Цоя « Мой дом был пуст, теперь народу там полно», Агата рожала сына, находясь в палате.

...Здесь прах мощей погаснувшей звезды.

Это песня.

Да, да!

Поти слушала её и размышляла. Понятно, что письмо – это развод, лажа, лохотрон, обман. Взрослый сын Бонифаций Потти просил Агату выкинуть из головы подобные мысли: какой дед Дем?

– Дмитрий. Дедушка Митя. Он мог так поступить. Он мог обрюхатить бабушку. Свалить на комсомольскую стройку, на борьбу против буржуев за свободу простого рабочего люда в Нигерии. И теперь лежит там один после аварии в больнице... И его деньги хранятся на счету в банке.

– Где там?

– В Испании.

– А письмо из Нигерии.

– А лежит в испанской больнице. Поехал путешествовать. Сел за руль мотоцикла пьяный. Скорость. Полет! Его пальцы теперь похожи на мармеладные червячки-кислячки. Дед Митя лежит с перевязанной головой, с изуродованным телом. И теперь – Потти единственный человек, который может помочь деду. Для этого надо снять часть денег со счёта и оплатить лечение. Теперь весь мир ждёт от Потти решения, ждут адвокаты из Нигерии, врачи из Испании. Всем вдруг стала интересна она! Хотя до этого никого не интересовала. Её словно пришили тонким швом к процессу, произошедшему далеко за тысячи километров. Поэтому жизнь По-

ти изменила форму, она стала узкой, стянутой по шву, мысли по ночам выглядели так, словно их неверно скроили, не по лекалам, мысли-тюрьма, мысли-раны. Потти видела себя снова в роддоме: на ногах чулки, стягивающие вены. Между схватками Потти вставала, чтобы умыться, а когда возвращалась обратно, то чулки набухали кровью, а бязевая рубашка и халат, купленный в лавке китайских товаров напоминало дерево. Странный рисунок был на халате: хвост птицы лежал на ветке магнолии. Потти шла по коридору, её волосы запутались на затылке. Коридор бессолнечный, тусклые лампочки едва светили, тень Потти дробилась на множество теней, и все, как маленькие китаянки, двигались за Потти. А пальчики Бонифация напоминали кислячки, когда его и Потти выписывали из роддома.

Теперь дед Митя лежит там, в далёкой больнице, спеленатый, жалкий, ничейный. Лежит без трусов в памперсах, без движения и зовёт её – внучку Агату Потти.

Дурацкая фамилия Потти! Но фамилия Непёхина по мужу ещё хуже. Муж был невысокого роста. Спортсмен. Он уезжал-приезжал. Затем приезжал-уезжал. У него были медали – серебро, бронза, золото.

ПЕСНЬ

Космос замер. Затих. На часах только вечность. Полмира в красном ситце. Окно, где Европа. Футбол.

Сотворю из России сама же себе я кумира.

Дилетантка, болельщица. Что смыслю в схватках турни-

ра?

И какие слова знаю, кроме пенальти и гол?
Но Россия – щедра, но Россия моя – хлебосол.
Понаделали кваса. И солнце своё запалили.
Кока-колу под стол и закваску иных кока-кол.
И кричала она, и махала: судью, мол, на мыло.
Ей не надо 5:0,
ей не надо 3:0,
ни 2:0.

Вот представьте, как было: футбол, как иная юдоль,
как больная мозоль, как на раны шипучая соль.

Наш футбол:

шар земной на космическом поле бездонном,
вновь качаются оси земные, скрижали хрипят.
В сапогах грубых Сталин, и трубку он курит, колонны
вдоль Тверской. И на площади Красной парад.
Спорт отряд.

Нет, не в нашем столетье гламурном.

А ещё в пиджаке Сталин в грубом, овчинном, суконном.
Мой отец за «Динамо».

Не продан. Не пропит завод!

После нас разорвёт.

На пятнадцать республик растащит.

Мы – не СССР. И почти уже – не СНГ.

Я смотрю телевизор. Смотрю теле-бред. Теле-ящик.
Там одно только «Г»!

И 5:0, и 3:0, и 2:0.

Кучка из богачей. Остальные такая же голь.

Перепутали что ль? Вы наш возраст с размером всех пенсий? И повысили возраст. А пенсия – шиш. Простоболь!

Бумерангом из космоса к нам возвращается – нате!

Как мячи к нам в ворота. И счёт на столетья уже.

И дерутся хорваты. И в Нижнем у нас на закате продолжают матчи. Пикируем на кураже.

Ешь драже! Квас хлебай. Рюмку водки пей до дна. Ось земли на кленовом ковше

еле держится. Счёт наш короткий

и не в нашу он пользу. Мир весь в галдеже, дележе.

Не хочу, чтоб 5:0, а хочу, чтоб 0:5 приключилось.

Чтоб свершилось. Внедрилось. Взросло. Всколосилось. И – в высь!

За космический взмах. За крылатость. Я за справедливость.

За «Динамо», однако.

Отцовское сердце, не рвись!

Но оно разорвалось ещё до замужества Агаты. На кусочки, видимо, на частицы. Его похоронили под берёзой. И когда говорят про берёзы плохо, Агата обижалась. Это была личная обида. Словно её назвали уничижительными словами, этими слогами и суффиксами в уменьшительной форме. За берёзы обидно. За деревья. За их трепещущие листочки.

Серёжки, хороводы на Троицу. Пить сок из дерева, что это? Это же не трава, не куст, не ягода. А соки ручьём из ствола текут в стеклянную баночку. В норку горлышка. Сок течёт из раны в боку берёзы. Этот сок можно глотать, прижимаясь губами к банке, ко краю. Ямка, из которой вытекает сок берёзовый, словно дорожка в иной мир. Она пульсирует. Можно касаться языком тонких струй, трогать пальцами, которые тут же становятся липкими от сахара. Берёзовым соком можно, как чернилами выводить буквы на бумаге. Пальцы становятся карандашом, авторучкой, пишущим инструментом. Тонкие гибкие пальцы на листочке. Мохнатые первые шмели вырываются сонно наружу, надевая на голову капюшончики глаз. Такая зеленоглазая оконечность туловища. Сладкий сок льнёт к лапкам, их приходится чистить хоботком. Приезжать из леса всегда приятно. Нет, Агата не нарочно ездит в лес, просто лес сам движется к дачному забору, к шатким дощечкам, охраняющим клубнику. Дождём можно тоже мыть руки, его много в лужах между бороздками. Сын учится в третьем классе, ездить на дачу с Агатой, он ленится.

– Бонифаций! Это я! Мама твоя...молока принесла. Берёзового.

Сначала за дверями легкий шумок, затем топот лёгких ножек, ближе-ближе. Затем поворачивается ключ в замке. У Бонифация крепкие ручки, толстые пальцы. Мускулистое тельце. Сын ждал. Соскучился. Привет, Ниф!

Ниф-Ниф – персонаж сказки, у него есть братья Наф-

Наф, Нуф-Нуф. Потому, что в сказке у всех есть братья и сёстры. У Нифа нет братьев. Лишь мама Агата Захаровна Непёхина. У Бонифация карие глаза, русые волосы. Бусинки пота на его лице.

– Ты съел кашу?

– Нет. Она остыла.

– Хорошо. Тогда сейчас разогрею суп.

Руки сына ровненько сами кладутся на обеденный стол. Ноги он подгибает, садясь на стул. Ест с аппетитом. Милый, милый, милый! Про бывшего мужа – Непёхина вспоминать не хочется. Ну, был, сплыл. Ничего особенного, не сошлись характером. Пьяница. Причём запойный. Ушёл тихо, не колеблясь, словно ждал, когда дверь сама распахнётся. У него были лёгкие прикосновения рук, если можно так сказать. Как дождь. Именно, были прикосновения рук. Не сами руки запомнились Агате, а пальцы, как будто их надо окунать в берёзовый сок, чтобы написать фразу. Единственную верную фразу: «Уходи!» Капюшончик сердца слегка дрогнул. Слепые капли дождя. Да они ещё и глухие! Подумалось Агате. Слепоглухонемой дождь. И сигарета, которая погасла от влаги. Только бывший муж может так уходить. Слепо. Глухо. Немо. Под дождём.

– Отчего так-то? Ты же всегда считалась красивой! – подруга Галя выдохнула в трубку телефона, когда Агата позвонила ей.

– Внешность и счастье это разные вещи...

– Да? А я считала, что совместимые.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗ НИГЕРИИ ОТ ОЛУФЕМИ ЛИДЖАДУ БЫЛО БОЛЕЕ НАСТОЙЧИВЫМ И НАХАЛЬНЫМ

«Леди, Потти, я вам уже высылал документ – г-на Дема Леми Потти с розовыми печатями в подтверждении вашего преимущества. Но вам надо уплатить пошлину в размере одного процента от данной суммы, которая находится на счёте вашего деда. Деньги переведите на мой счёт как доверенного персонажа.»

Агата рассмеялась до слёз: глупо! Как по-дурачки! Откуда у неё такая сумма – более миллиона долларов для оплаты пошлины на пересылку? Даже от продажи двушки в центре города можно получить не больше двадцати тысячи баксов. Письмо Лиджаду было отправлено в спам. Но на утро Агата решила позвонить по указанному номеру. И, о, ужас, оказалось, что данный адвокат действительно существует и работает в Юридической фирме по адресу: 2 floor, Sterling Towers 20 Marina Street Lagos. Конечно, никаких пошлин Агата платить не станет. Но адвокат оказался настоящим, действующим. И даже на русском он подтвердил, что писал госпоже Потти письма.

– Прошу, более мне не пишите! – выкрикнула обиженная женщина. – Лиджаду, гореть вам в аду.

Адвокат призадумался. Затем вздохнул и промямлил о кей.

Хоккей! Трус не играет в хоккей, хоть убей, хоть забей, хоть раздень, хоть согрей.

Письма прекратились.

Авантюрист хренов! Авантюристище! Скольких он граждан так может развести на бабло? Иди, корми сусликов! тушканчиков! греческих мышей! столбовых крыс!

Когда Нифу было три годика, Агата водила сына в зоопарк, и там они кормили тушканчиков. Зерном и травой. А когда ездили в гости к Гале, то видели на дороге суслика. Он одиноко вытягивал шею возле норки в поле. Солнце садилось, оно своими рыжими лучами освещало такого же рыжего суслика.

...Так выглядит столп соляной на закате пещерою норки. Так выглядит всё запредельное и не понятное сразу. Вам столп соляной, а ему – небу, может, подпорка в колючках прилипших и тлеющих комышках грязи. На поле всегда так: смыкания ли с горизонтом, соитие с облаком медленно, грешно, обманно! И Флавия возглас – он между ушной перепонкой течёт в разногласии и подсознании между. Так гибельно всё! И метёлочка травная шерсти, прилипшая гусеница, словно бы их из горящего града, объятого пламенем вынесли с криками вместе и Лота жена облачённая в соль, в пепел адов. А поле качается мерно, как Мёртвое море и в нём отражается глыба асфальта горою. Не помнить как мне? Ибо там застывают в укор, в своём непростенье... Страницу никак не закрою прошедшей я жизни. Как имя забуду? Коль

второе, коль вдесятеро вырастает, поёт колокольно. И тело своё, как от соли саднящей отмою? Объятий, касаний, твоих поцелуев? Довольно столпом мне стоять! – Голоса, голоса слышу в поле... Кричит, как в истерике женщина в Мёртвое море. Как смыть

поцелуи мне грешные, словно бы жерла на теле, на бёдрах, груди. Ни один я не стёрла, и солью застыли они твёрдоспавно, упорно. Как выдрать слова, что вослед: «Оглянуться не вздумай!». Как имя убить мне твоё, на вулкане как сжечь мне? (Женою быть Лота не просто, несладко-изюмно. Женою быть Лота – одной из солёных быть женщин.) Так нас уверяет история древнего мира. Так нас уверяет вглядевшийся Иосиф Флавий. Так нас добывает огонь, испещряет на вырост. Вот так в соль врастаем, рождаясь из звёздных пробирок. Вот так и живём, имена дорогих в память вплавив...

Развод с мужем не принёс ни счастья, ни облегчения. Агата долго стояла под душем, пытаюсь смыть с себя, как ей казалось, остатки его прикосновений. Запах, слова, дыхание. Но это было бесполезно. Сын Бонифаций-Ниф – точная копия Непёхина. Ребёнка не ототрёшь. Не скажешь ему: будь похожим лишь на меня, маму твою. Любовь вообще странное чувство, оно не пропадает, не укорачивается, не сжимается. Оно, как химическая реакция, как атом, который расщепляет реактор. Но развод с Непёхиным – это жизненная необходимость, чтобы сохранить цельность ядра. Ибо муж, напива-

ясь, стал распродавать вещи, бытовую технику выносить из дома. Даже последние золотые серьги – бабушкин подарок и те пропали. Непёхин стал жить с пожилой медсестрой, а затем они уехали куда-то бесследно. Видимо, всё-таки ванна, мыло шампунь, душ и прочие косметические процедуры – помогли Агате смыть остатки прежней жизни. Чистота – залог не только здоровья, но и сохранности вещей маленького семейства Поти.

Но иногда накатывало... и ни раз, ни два. А годами. Столетиями этих годов. Тысячелетиями дней. И все призывы давайте радоваться за людей. И все ангелы сострадающие, сопричастные, белеющие, раскидистые, накрывающие, словно отстранялись в такую минуту. Ибо оказалось, что Непёхин с новой женой перестал пить, ругаться, устроился на работу, освоил трактор, сеялку. И работает себе с песнями и деньги домой приносит все до копеечки. А вот с Агатой только пил. Так пусть сорадуются ангелы, сообщаются, сопричастнуются. Потому что оказалось: у Агаты холодное сердце, поэтому Непёхин не чувствовал тепла. Это как книги Ленина, которые Агата изучала в Университете – большие, мудрые, правильные, а не греют. А изучать приходилось, конспектировать, делать пометки. Но провалиться с головой не подучалось. А хотелось упасть в их колодец. В штольню. И надо было учиться на вечернем отделении, кормить грудью сына, а ещё находить деньги на прокорм семьи.

Агата по профессии сурдопереводчица. Руки. Пальцы.

Буква «о» – подушечки большого и указательного пальца соприкасаются. Когда Бонифаций учился в институте, Агата решила уйти с работы: вымоталась, хоть вой. Но сын сказал: «Мам! Возьми отпуск. Административный. Отдохни. Уйти всегда успеешь!» «Хорошо», – согласилась Агата. Сила убеждения взяла верх! Перевесила чашу весов.

Весы равновесия, какие они?

ПЕСНЬ

Тела звезд, что канонизированные святые.

Идёт развенчивание мифов про пьянство, дураков, дороги.

Скоро изменится мир! На круги свои круговые всё вернётся. Закрепится. И мы получим в итоге: правду, добро, справедливость, которые добывали веками!

Высекали, как талантливая Мухина Вера – незабываемый наш скульптор, вырубая из камня горн к горлу прижатый, мустангова чья биосфера.

Но мы выстояли, выжили. Отрастили сердца, что царьградские.

Те, кто ещё не понял, тому бесплатно мой щит!

Помните битвы на Волге, Курск и бои Сталинградские.

Сколько бы нас не ломали, а внутри монолит.

Дороги? Построим. Есть опыт через тайгу за Белое море.

Дураки? Дурь их поывеетрив. Накормим вкусно. Сами поумнеют.

А пьянство? Да откуда ему быть на таком просторе?
И пить-то некогда: надо восстанавливать, строить скорее.
Возвращать утраченное, стёртое, размытое, незыблемое.
Истину истин. Первооснову. Товарищество. Быт.
Да сколько можно, каждый раз корытами битыми
заклеивать сердце, что сильно болит.

Эй ты, Европа, памятник маршалу Коневу
возверни на место, взгуди его на постамент!

То, что было низвергнуто, охаяно да уронено,
выкорчевано, выдрано с корнем верни на свой континент.
Надоело твоё безбожие! Садам. Жены Лотовы.

Им, этим женам не отмыться от соли, от слёз.

Что за музыка? Что за пение? Этими черными нотами.
Хватит уже. Насытились. До тошноты передоз!

И Америка тоже со своими алькайдами,
с выращенными душманами в марихуанских полях.

Выгодно ей наркотиками. Выгодно ей дурманами. Выгод-
но злобными ядами.

ей торговать в зеленях.

Доллары, доллары, доллары, кровушки сколько вы выпили?
ли?

Стоны, что в бронзе отлитые. В камне его палачи.

Сколько нас можно обманывать? Ложь лить цистернами,
литрами?

Жить нам во благо богатеньких, вкалывать за гроши?

...Мир меняется. Преображается. Расцветает зорями.

Перламутрами, янтарями, сапфирами. Так будет все-
пременно.

Столетьем больше, столетьем меньше. Когда? Не гадалка
я. Горе мне,

жаль не увижу. Не доживу до такой перемены.

Зато доживут мои строки. Мои жемчужные звонницы,
мои золотые купола.

Мои знаки восклицания. Строки восклицания. Стихи
восклицания.

Не будет орудий, бомб, мин, ножей, двуглавого орла.

Наступит эпоха всепроцветания.

Сколько можно носить в себе ношу всех цивилизаций?

Хочу развеять её, как пепел, как горячую соль, как жгучий
уголь!

Не путём уничтожения. Не сменой власти, реинкарнаций,
переселением душ, перемещением стран, обманом, гуг-
лом.

А путём бессмертия. Есть такой путь любви и доверия к
людям.

Изменение программы всего человечества

без Брута, Каина, без хромосом Иуды,

без генетики Понтия Пилата, без ребер его и печени.

Тела звезд, что канонизированные святые.

Их светом омыть лицо, плечи, грудь, крестец.

Пеленать нежностью младенцев, чтоб не простыли

шёлком, ситцем, хлопком, шерстью овец.

Закутывать, ласкать, учить самому лучшему,
самому правильному, самому доброму, самому людскому.
Чти. Не воруй. Не убивай. Свети, как лучи.

Будь каждому встречному очагом, кровом, домом.
надо выращивать новое поколение с нуля!

Переучивать поздно. Нужна новая школа.

Доброта, всепрощение. Терпение. Всем поровну, всем
земля, роща, тополя.

Надо лучшее вкладывать в голову.

Продышать новый космос.

прорыдать новые небесные тела.

Выносить недоношенных, недовоспитанных, несовер-
шенных.

...Я так думала, когда сына я родила.

Я так думала празднично и блаженно.

Слушать песни Агата любила. Особенно такие, необыч-
ные. Отпуск был уже оформлен. Тем более из-за коронави-
руса начальству было лучше, чтобы работники посиживали
себе дома, не разносили по офису свои чихания. Покашли-
вания. И прочие слюнявые делишки.

Вот хотя бы на миг представить, что никакого вируса не
было – ни уханьского, ни миланского! И вообще все болез-
ни – это выдумка. Как бы жили люди: процветали, богатели,
ездили куда хотели! А ведь Агата почти уже изобрела нуж-
ный прибор. Купила изящный генератор, преобразователь

частот. Единственно, что удручало Агату: где взять нужный аккумулятор? Такой изящный, настольный, который можно поместить в дамскую сумочку? Суть изобретения Агаты сводилась к тому, что в человек удары пульса имеют свою частоту, долготу. А человек – это небольшая электростанция. Плюс электрификация всей страны.

Читать книги Ленина Агата приноровилась каждый вечер. Не для того, что она была убежденным революционером. Скорее, наоборот. Агата искала нужные её ответы. Ибо приборчик, изобретаемый ею, должен иметь философию и смысл. Если обозначить изобретение как способ лечения, то это банально. Сколько уже существует подобных вещиц. Как патентованных, так и не имеющих патента. Сколько хочешь оздоравливайся, была бы настойчивость. А вот помочь всем – это надо быть Лениным.

Или Колумбом. Или...или... Ньютоном. А, может, Галлеем?

Агата ощущала себя маленьким алхимиком.

Тем, кто ещё помнит рассказы мамы, бабушки, тётушек о их жизни. Как они вышивали, вязали, носки штопали. Агата тоже помнила, у неё хорошо получалось заштопывать узорчато и аккуратно носки отцу. Агата в третьем классе носила перелицованное пальто. Непёхин как-то из-за границы привёз кассетный магнитофон, Агата помнит эти большие коричневые тонкие ленты на бобинах. Помнит настоящий запах финского сервелата, который привозил отец из команди-

ровки в столицу. Помнит коллекцию спичечных коробков, баночек из-под майонеза. Помнит мамино тонкой работы серебряное ситечко, помнит, как свекровь собирала полиэтиленовые пакеты, а перед этим стирала их в хозяйственном мыле. А ещё помнит Агата большие пакеты с затёртой надписью Мальборо, потому что эти пакеты использовала вместо авоськи. Помнит духи «Сирень» произведённые в Прибалтике. Помнит наклейки, переводилки, самодельные конфеты из вафель и дешёвой плитки полушоколада. Помнит украшенные потолки из кусков, вырезанных обоев, помнит чёрно-белые фото, где она сидит на стульчике. И Агата, как маленький алхимик, пытается доказать, что именно это было полезно для людей. Эти письма, открытки, этот почерк на бумаге. Именно он передаёт ритм пульса. Галя не верила в сверхизобретение Агаты, но трудолюбиво помалкивала. А вдруг?

На самом деле – это всё: правда. Как-то будучи в Москве в одной из аптек Агата взяла со стеллажа бесплатно раздаваемую книжицу. В метро Агата прочла её. И усмехнулась. Это было пособие, как надо привлекать нужные мысли для выздоровления. Например, если у вас высокое давление, то надо раздеться до пояса, выйти на свежий воздух и прокричать сорок раз: моё давление сто двадцать на восемьдесят.

Смешно!

Когда все части прибора были соединены, от генератора к моторчику тянулись провода, а при включении зажига-

ся синий огонёк на индикаторе, Агата поняла: вот оно! И ощутила внутри себя почти средневековое прединквизиторское чувство свершения. Она осторожно положила катушку на триста четырнадцать вихрей себе на пульс.

И блаженно уснула.

Прибор Агата назвала кешбеком. Лучше надо было сто-рицей.

Конечно, снаружи кешбек выглядел аляповато, криво-вато, нелепо.

Но зато внутри! Огонь! тепло! луч!

Запись на странице в социальных сетях:

Мне снится, что я сама себе сериал, в него верят все. Но не могут мне сказать об этом. И я упрямо понимаю, кто звезда этого сериала. И мне плевать, что в фейсбуке ругань, в инстаграме онанизм, а в технических бюро пьют коньяк. Я сама себе тех. бюро. Много раз обращалась к тем, кто выше, объясняя, что мне нужны деньги на исследования, что у меня в голове чертежи, клеммы, желание избавить человечество от болезней. Я не мутант, не обманщик, не лгун. Я лишь человек, кому пришла в голову простая идея. Не за лайки, не за браво, не за нобелевку. Я не псих одиночка, которая всю жизнь проработала обычным сурдопереводчиком в социальной сфере и вдруг на старости лет, воспитав сына, обросла некими идеями спасения человечества. Всего человечества! Ни кого-то одного, например, Васю или Петю.

Не ради хайпа. Не ради денег. Не ради журналистских репортажей.

В нашем милом государстве нельзя продвинуть настоящую идею. Точнее можно, но для этого надо обойти кучу инстанций. И везде спрашивают – какое у вас образование. Где вы до этого работали. Если приходишь в кабинет к мужчине, то отчего-то он начинает предлагать вечером встретиться. А это не иначе, как ужин и постель. Тем более, если ты хороша собой. Но абзивность не в моём стиле. Я шла просто по следам мерцающих светлячков. И пришла к выводу – аритмия и ритм вещи противоположные. Аритмия пульса может быть исправлена. И я нашла, как это сделать. Себе-то я сделала! С этих пор у меня нет ишемической болезни, искривления левого желудочка сердца и ожирения.

Да-да, мой вес шестьдесят шесть кило.

Десять лет я пахала, сверлила маленькие отверстия, соединяла провода, покупала на свою зарплату проволоку, наматывала её вручную, все пальцы исколола. Это не сверхцель, это простое желание не губить свой организм. И жить долго.

Но когда я поняла, что у меня нет единомышленников. Муж ушёл. Бросил. Сын ещё мал и не понимает, отчего мама что-то паяет, крутит, покупает болтики и гаечки. Но когда сын вырос, то также отказался понимать, хотя делал вид, что сочувствует и даже иногда заходил в магазин для того, чтобы приобрести пачку гвоздей для мамы.

Но сериал продолжается, кнопка est не работает, а кнопка выкл. заедает.

Остаётся мыслить политически, это никого не заводит, не дает надежд, не влечет за собой революций. Но я научилась быть свободной. Подковывать блох. Мысленно отпралять в отставку правительство, отменять армию, налоги, бедность.

Как-то Галина мне сказала: «Сходи к олигарху». «Зачем?», «Ну, как зачем, все гении так делают! Чтобы подкрепиться материально!» Наивная подруга!

Смешно! Никто просто так денег не даст!

Дают за что-то. За результат. Но его пока нет. В промышленном масштабе. Есть маленький неказистый приборчик, собранный руками сурдопереводчицы, которую уволили с формулировкой «в связи с закрытием предприятия». Предприятия, где делали «Волги»!

И ещё смешное слово «изобретатель-самоучка»

...это любовь, история и политика.

...это тело, быт, аффект.

Я несу мир,

но для некоторых я – опасная, ибо изобретатель-самоучка – звучит, как сумасшедшая, боевая, опасная. Я – боевая и опасная. Ибо я не привычная пустота. Не пустыня. Я жар. Дерево. Угль. Просто я одна Во всём селении самоучек. Кузнецов подковывающих блох. Я даже не целитель. Поэтому сленг «товары для здоровья» мне не подходит. Сленг болеутоляющих приборов – тоже не мой. Физиолечение – совсем

не то. Потому что это не физио. Но каждый раз в течение десяти лет я приходила домой, уставшая, с сумками наперерез, я понимала, что выращиваю в пустыне то, что нуждается в оазисе.

Лучше бы я писала письмо своему первому мальчику-юноше-мужчине, не сломавшему во мне то, что другой бы сломал сразу: «зачем ты убил во мне романтика?» Убив романтика, он породил во мне изобретателя-самоучку. Я обнажила в себе его, я довела своё дело до дрожания, до сердечного стука, до золотого сухарика.

Вот моё будущее: живу сто лет, не старюсь, ко мне приходят звери, лисы крутятся возле меня, медведи становятся ручными, тигры, слоны, обезьянки тоже. Я подчинила всю анатомию себе. Но по дороге меня предали! Предал он, кого я любила. Нет, не первый неудачный. Не муж законный. А он. Он с большой буквы. С красной строки. Он врач. Профессор. Невообразимый Дон Жуан. Ему я поведала о своём изобретении. Он сказал: я сам так думал. Но только через клетку. Через жировую ткань. И тут началось! Я люблю тебя. Ты море. Ты гладкий супружеский рог изобилия. Но я – выращивала среди пустыни моё кактусовое растение! Всё в проводах, в нитях розовых, в клеммах. Моторчик. Генератор. Семь катушек. Сорок метров проволоки. Нет, Дон Жуан ничего не украл. Не заимствовал. Он решил, что это сделала я. У него. Без него.

Он тоже пил. Он обливал меня вином с ног до головы. Он

хвала меня за шею от злости. И он не заплатил мне тридцать семь рублей по счёту за электричество, которым он грелся на моей даче. А мне было смешно, это же пустыня! Там всегда жара! Жажда и самоотречение.

Галя, Галя, тогда я почувствовала смерть. Я обняла её, начала с лица, затем шею, тело, ноги. Меня тогда страшно ударило током, потому что я хотела разбить свой прибор. Свой кешбек. Достать жезл, увидеть марши студентов в честь меня, услышать свой прощальный плач. И раскаяние своих врагов. Тех, кто сидел в кресле, начальников отвергающих моё выношенное изобретение. Ибо оно было вне смыслов, вне правил. Но оно работало. Работало на мне. И когда я называю свой возраст в поликлинике или в магазине, люди на меня с удивлением косятся. Не может быть, чтобы старуха так выглядела. Как, так? Вам шестьдесят четыре года? Настойчивые ухажёры и сладострасцы лишь усмехались – Агата, вы серьёзно? Это вы нарочно, чтобы нас отшить?

...на острие лепестков пахнувших как сумасшедшие розовые глиняные лилии в смешанной колоде карт таро, на верблюжье одеяло мы легли в одиночестве. Дон Жуан пожадничал мне тридцать семь тысяч, которые сам же потратил. Два его друга тоже влюбились в меня. Номер один и номер два. Было смешно кокетничать с ними. На глазах у Дон Жуана. Сокращенно Донж.

Мог бы и отдать, не смотря на смерть свою, боль, укусы, секс, сладость и страсть. ОН до сих пор влюблён. Э-э-э...

Я лежу одна. Раздевшись. Сняв с себя всё. Платье. Чулки. Бюстгальтер. Трусы.

Донж замерз в моей ледяной пустыне.

Изобретатели не смеют расслабляться.

Терять контроль над собой.

Я сама заплачу за тебя эти деньги. Но ты меня подставил зря.

...на острие лепестков пахнущих как сумасшедшие розовые глиняные лилии в смешанной колоде карт таро.

Это тоже песня.

третье ПИСЬМО ИЗ НИГЕРИИ ОТ Олуфеме Лиджаду было отправлено Агате Потти, не смотря на просьбу более не писать

«Уважаемая госпожа Потти.

Я понять Вас. Но мне надо довести событие к контенту.

Высылаю вам лицензию. Смотреть Вам. Если не верите, то сделайте отказ официально через министерство.

Это облегчит участь вашего наследства.

Средства можно отдать детям голодающим. Сиротам. Малюткам, оставленным родителем.

Или просто бедным...»

Агата поняла: не отстанет. Пока не послать, куда подальше. Бонифаций говорил тоже самое. Лишь Галя недоумённо пожимала плечами.

Испания – город больниц и лечебниц. Найти нужного пациента, значит стать Шерлок Холмсом.

Умирающих с фамилией Потти оказалось больше сорока человек. Демов тринадцать. А Демов Леми два. Один из них дед Митя.

Второй вопрос, где взять деньги на поездку? Пенсия – кот наплакал. Сын зарабатывает немного. Занять у Гали и того смешнее, её давно уволили из-за слабого здоровья. И последнее время Галя подрабатывает уборщицей. Выход был один – продать дачу. Но как? Рука не поднималась!

Жалко, жалко... этих хилых яблонь, изъеденных жучками смородин!

– Не вздумай! – нахмурился Бонифаций. – Куда мы с друзьями будем уединяться? Ты же знаешь, у нас музыкальная группа. Барабаны. Гитары.

– А что мне делать? – Агата ласково посмотрела на сына. Взрослый! Командует. Молодец.

– Что, что... вспомни своего Донжа! Он нажёт электричества почти на сорок тысяч! И ты отработывала эти гроши! Сиди дома. Заблокируй аккаунт. Продолжай мастерить свой кешбек – Куш

– Я уже смастерила.

– Усовершенствуй!

– Тогда откуда у меня эти мысли, что я всё равно однажды поеду в кругосветку? И теперь я определилась – искать деда.

Я хочу вернуться счастливой и успешной.

– Ага...а вернёшься старой и больной. Знаю я вас, путешественников!

– Может, на работу вернуться? Меня звали в частный сектор. Переводчики всегда нужны. Могу оформиться индивидуалкой. Или начну делать украшения, например из дерева и смолы. Помнишь, у меня хорошо получалось! И даже покупалось. Каждую осень у меня возникают подобные желания...

– Но ты же хотела лечить людей. Столько времени потратила! – Бонифаций присел на диван. Затем разлегся, вытянув ноги.

Любимый мой сынок...

– Лечить без лицензии. Без испытаний. Без базы и офиса. Такого быть не может.

– Отчего бы нет. Подай объявление на авито.

– Мне проще выучить тайский и переписываться с жителями острова. Поедать спагетти, болтать с торговками на рынке, работать синхронисткой с индийского на арабский, волонтерить, сесть за руль мотоцикла, глядя на закат, наслаждаться ветром курильских трасс, – возразила Агата.

– Пойми, что Дем Лемми Потти – это не твой дед. И не мой прадед. Тебя прост о разводят. Хотят, чтобы ты оплатила якобы пошлину в диком размере. И твоё путешествие по больницам Испании никуда тебя не заведёт. И как ты будешь общаться с человеком, находящимся в глубокой коме?

– У меня есть кешбек, мой прибор двадцать-двадцать. Мне надо будет только приложить его к пульсу. И человек поправится! – настаивала Агата.

– Кто тебе разрешит сделать это? В больницу даже пронести не получится это кривое твоё изделие...

– А помнишь, когда умерла бабушка, я уехала в Индию? А год тому назад мне удалось побывать в Монголии, затем я свалила на Уральские горы? Мне надо перезарядиться. Моя батарейка полуразряжена. Кроме этого нас пугают этими карантинами, картонными инфекциями. Какая-то бесконечность...не приходящая в сознание. Отчего бы тебе, сын, родной и близкий самый мой человек, не сказать: Езжай! Живи и радуйся! Ибо самое худшее – это застыть в смоле бабочкой, стрекозой, мухой, мышкой. За окном всё то же кино. Мой кешбек-2020 нужен лишь мне одной. Я просто хочу переключить канал. Увидеть своего деда. Выйти, надев свои украшения из смолы и дерева. Надеть новый свитер и куртку, сшитую моими руками, с вышивкой и люрексом... Устала прятаться дома за этими своими изобретениями!

– Не забывай, что у тебя куча поклонников, – Бонифаций ласково зевнул. После ужина, приготовленного Агатой, после чая и ватрушек с творогом хотелось спать.

– И что? Жизнь уже кончается.

– Что-о? Мама, не выдумывай. Ты ещё замуж выйдешь, вот увидишь!

– Лучше сам женись! – Агата потрепала сына по вихра-

стому затылку.

– Сначала дело, а девушки потом...

– Ладно...

– И всё-таки, мама, брось ты бредить своим дедом. Бабушка же явно и чётко сказала: помер он! Завтра пришлют письмо, что у тебя ещё дядя жив, тётушка и какой-нибудь троюродный внебрачный брат. Или ожила дочь, которую ты даже не зачинала. И все они находятся на Сатурне! Тогда что? Будешь искать межгалактический корабль? Космическую орбиту? И полетишь? Это уже перебор! Сиди дома! Жди меня с работы. Готовь ужины. А по выходным жди, когда я вернусь с дачи. Я и мои друзья-музыканты. В конце концов, сходите с тётей Галей в филармонию...это увлекает...

Сын повернулся на правый бок и закрыл глаза, засыпая.

«Замуж! – усмехнулась Агата. – Да я хоть со всеми тремя друзьями Донжа пересплю. Для создания семьи это не поможет: все друзья Донжа беспросветно женаты. А вернуть любимого не получится...разве только пококетничать...»

Четвёртое и пятое письмо от Олуфемии Лиджаду из Нигерии было ещё более пафосным и настойчивым. Сезон тушканчиков подходил к своему завершению. Адвокат Олуфемии Лиджаду начал торговаться, снижать сумму налога сначала вдвое, затем вдесятеро. Это была уже приемлемая сумма, с пересчётом на рубли получалось около сорока тысяч. «Да вы что сговорились что ли, Донж тоже кинул меня на тридцать семь тысяч!» – подумала про себя Агата.

И села писать свои лирические письма в контакте:

«Рванусь, ринусь бежать, но пойму, что лучше уже не будет с нами, со всеми, с родиной нашей. Ибо для тебя было всё – лучшее во мне, во всех, в изобретениях, обретениях, талантах, всё в нас стремилось к тебе. Помочь. Выстоять. А на чём родина зиждется? На природных богатствах, на лесах, реках, лесах, глубинах, недрах. Но кроме этого – на человеке! Ибо природные богатства ничто без человека, без его умения правильно применить их, возделывать, добыть. Но человек – болен, умирает, его жизнь не бесконечна. И так бывает, что второго такого же точно изобретателя, возделывателя, добывателя не родится. Родится, но другой.

Так и хочется воскликнуть: очнись! Найди в себе лучшее, правильное, солнечное, вечное. Если не ты, то найдутся иные, кто поведёт за собой массы людей. Но это будешь – не ты. И у того другого иные мысли, иные взгляды. Он может быть просто корыстным человеком, прикрывающимся красивыми правильными словами. Слова похожи, но смыслы иные.

Ты и твоё что это? Кто ты – воин державы, воин родины? Тогда веди нас. Обходя штольни и лабиринты. Когда будешь идти, то вспомни – кто тебя родил, взрастил, вскормил, научил грамоте, наукам, оберёг от бед и злосчастий. Вспомни весь путь ея! Родины твоей! И взлёты, и падения. Время вершин и время низин. Были разные времена. Но помни лучшее

в каждом из них. Были кровавые времена, но кровь станет рекой, а плоть опорой для трав и деревьев, и сплетётся она с корнями, напитает их. Весной зацветёт цветами. Потекут воды именами, именами возлюбленных твоих. Но сколько бы ни было времён, помни то, последнее, в коем ты находишься. Вспомни себя и прародителей своих. Ибо в них кусочек твоей прародины. Нам, скифам, это подвластно. Мы в космос летали, мы родину отстаивали, мы ратовали за лучшие идеалы. Они из писания, они заветы, они заповеди. В каждом из нас это. Ибо вышли мы на свет, и он ослепил нас! А подвиги людей наших, жизнь отданная за победу. За справедливость, за будущее.

Это не просто блогерство, модное среди молодёжи, не просто балагурство, не просто похохмить. Это выше.

Стать блогером не трудно, обрести подписчиками, обрасти лайками, затвитриться, заютюбиться – сейчас кто этим не занимается? Каждый, кто умеет говорить. Кто обладает артистизмом, не плохим словарным запасом. Кто умеет писать сценарии своих маленьких пьес. Любите ли театр? Ибо вся жизнь игра. И как зовут известных блогеров? Вата. Бумага. Резинка. Елка. Имена, имена... И текут эти имена по руслам многоводной сетевой реки. И вылавливают оттуда нас. И рассказывают нам нечто такое, что совпадает с нашими мыслями. Коучи. Стричи. Драчи.

Блогеры хотят завоевать наше внимание. За это им платят деньги. То есть мы – часть их зарплаты, дохода, наживы.

Я тоже завтра нажму на кнопку вкл. И стану вещать. Заработаю некую сумму, чтобы оплатить долг за Донжа. Отдам этому назойливому нигерийскому адвокату то, сколько он просит. И на этом успокоюсь.

Надо лишь найти способ, чтобы добыть подписчиков.

И моя внутренняя энергия потечёт рекой, и ноги сплетутся в хвост русалки и прорастут в реку, в ил, с песок. И поплыву я заманивать рыбаков сладким голосом, и переверну их лодки, и возьму всех и каждого, их кости и скелеты обростут моими словами. И я стану миром. А мир станет мной.

– Э, нет, так дело не пойдёт! – возразила Галя, когда Агата пересказала то, каким образом она собирается заработать деньги.

– А как пойдёт?

– Ты найди какой-нибудь раскрученный канал и войди туда с лозунгом защитника.

– А меня не заключают?

– Те, кто заключают – потерпишь. Остальные будут на твоей стороне. Это будет твоя аудитория, которая подпишется на тебя.

В то же утро Агата Потти вступила в социальных сетях в заварушку. Пост был обычный, про осуждение некой Юлии Росинской

Телеграмм-канал "Роза – 7" сообщает:

Только что в Розовском городском суде был вынесен приговор по делу бывшего директора музыкальной школы им. Балакирева Юлии Росинской. Она признана полностью виновной и осуждена на год условно с удовлетворением исков, заявленных потерпевшими, в полном объеме.

Сама Юлия Росинская, услышав приговор, видимо, вздохнула с облегчением (очевидцы утверждают, что из суда она выходила посмеиваясь), однако слова «уголовница» из её творческой биографии теперь никуда не выкинешь.

Приговор ещё не вступил в законную силу и у Росинской, как и у прокуратуры есть время на обжалование решения суда. Росинская будет просить если не отмены приговора, то его смягчения, а прокуратура по идее обязана требовать ужесточения – то есть реальной «отсидки». Увидит ли всё же бывший директор небо в клеточку? Посмотрим..."

Под сердечками последовали ответы, которые Агата тщательно отсортировала на тех, кто за и кто против:

А надо кому смотреть? Кто станет счастливым?

Матвей: Те, кого она гнобила и обманывала будут счастливы...

Людмила: Гнобила? Чушь собачья.

Матвей: скажи это педагогам.

Людмила: Неделю назад разговаривала с одним из них. Хорошие времена были при Росинской.

Матвей, для кого-то да, а для остальных?

Остальные были рядом.

Матвей: с одним? Из почти семидесяти преподавателей школы, пятьдесят из которых признаны потерпевшими от директора-мошенника!

Людмила Карпушова:

Хороший человек, отличный педагог. А за всем этим фарсом стоят люди гораздо выше по должностям, но из никто не трогает... И не будут трогать. Ну что, сломали жизнь человеку, чему здесь радоваться? Не здесь настоящих воров надо искать, все, которые воруют, в другом здании сидят

Евгений Макаров ответил Людмиле:

Людмила, не надо высокопарных штампов, вы в материалах дела? По вашему этот "хороший человек" не вор и мошенник? Или ее заставляли воровать? А раз она хороший человек и ее заставляли воровать, почему не рассказала об этом следствию и суду? По показаниям свидетелей "из другого здания" они не при делах и о ее делишках ничего не знали.

Марина Андреева ответила Матвею:

С Гусевой или Коняевой и ещё с парочкой, которые ей под миллион "долгов" вернули с бюджетных денег?

Марина Андреева ответила Людмиле

Людмила, данная дама признана мошенницей с годовалым сроком. Надеемся, будет и второе дело.

Матвей ответил Людмиле

Людмила, с другим зданием тоже разбираться будем.

Евгений Макаров ответил Людмиле

Людмила, вероятно все, кто "в другом здании" и воруют, но это не означает, что чиновникам низшего ранга можно набивать карманы на местах, оправдываясь тем, что там, наверху все воруют.

Виктория Валиева ответила:

Матвей, ну еще бы. При ней можно бухать и на работу по три дня не выходить и тебе за это ничего не будет, еще и в пример на планерке перед всем коллективом поставит. А других даже в административный за свой счет не отпускала на юбилей мужа, сказав, что это неуважительная причина. Не знаете, не говорите. А то, что Вы с букетами цветов к ней бегали и из кабинета ее не вылезали – это вся школа видела. Понятно, почему так защищаете теперь.

Евгений Макаров ответил

Матвей, вы бы с этой дамочкой поаккуратнее! У нее хобби – чужие семьи разбивать и мужей уводить!

Саша Костенко ответил Евгению

Он надеется, что она в дальнейшем в его уголовном деле будет лайки ставить и комментарии в защиту писать

Очень жаль... замечательный педагог!

Ирина, далеко не все согласятся. Особенно с оценкой её директорства.

Евгений Макаров

Ирина, жаль чего? Что «замечательный педагог» оказался обыкновенным мошенником, или что получила за соде-

янное?

Мария Олесницкая

Я считаю, что оценивать ее деятельность может только человек, который сам имеет опыт работы директором музыкальной школы и знает все проблемы не понаслышке. А вы как сороки, схватили сплетню и потащили.

Мария Олесницкая

Она прекрасный педагог и директор. Вы на ее месте скорее всего и сотой доли бы не сделали. А она как Мать радела за своих учеников. А без строгости и требовательности хорошего воспитания нет.

Мария Олесницкая

А что касается стимулирования педагога, то у нас сейчас почему то принято, что если молодой специалист пришел на работу то все он должен получить сразу и зарплату и большую премию. Надо сначала показать себя, как хорошего работника, а потом и стимулирования просить.

Евгений Макаров ответил Марии

Мария, вы че-то не по делу тут растрещались – вообще не в теме, с материалами дела сначала ознакомьтесь!

Мария, вы, видимо, просто не в курсе дела. Несёте какую-то чушь. Она о благополучии сотрудников разве не должна была радеть? А она их обирала. Это в суде доказано. А кто что смог бы сделать на её месте, не вам судить. И до неё были директора и после неё будут...

Мария Олесницкая ответила Евгению

Евгений, а вы со свечей рядом стояли, когда она работала директором и педагогом? Откуда такая уверенность, что дело не сфабриковано? Читать и обсуждать проделанную уже кем-то работу легко.

Евгений Макаров

Мария, я в материале

Мария Олесницкая

Любой материал можно собрать, когда есть Заказчик.

Марина Андреева ответила Марии

Мария, директора "оценили", не волнуйтесь.

Матвей: Мария, так о любом деле можно сказать, и что судить теперь никого не будем?

Марина Андреева ответила Марии

Мария, так вот у Росниской и спросите, почему она огромные премии и стимулирующие молодым специалистам платила, с последующим возвратом ей в карман. Вы хоть материалы дела читали?

Мария Олесницкая ответила:

Матвей, я со свечей не стояла, поэтому не беру на себя ответственность ее осуждать и обвинять. Что и вам советовала. Мои дети учились и учатся в этой музыкальной школе. И нам эта школа нравилась и нравится. Я на своей работе иногда тоже не всем довольна, но стараюсь обсудить проблему и принять совместное решение, а не собирать документы для суда. В этом и состоит умение работать в коллективе.

Матвей ответил Марии

Мария, я уже давно научился жить своим умом, без чужих советов. А про школу я ничего плохого не говорил. Наоборот, считаю, что школа отличная, только это не заслуга Юлии Владимировны.

Евгений Макаров ответил Марии

Если человек не вор и мошенник, и совесть его чиста – никакой заказчик не поможет.

Евгений Макаров ответил Марии

Мария, а вы с чего взяли, что с Росинской проблемы не обсуждали и вопросов не задавали?

Евгений Макаров

Юлия, от должности директора ее отстранили, как дело уголовное завели, но она, бесстыжая, продолжает работать педагогом бок о бок с обворованными ею коллегами.

Юлия Макарова ответила:

Матвей, это ваша газета была?

Матвей: Юлия, какая именно? У меня их несколько было.

Алина Корнеева

А почему она не должна работать преподавателем? Насколько я понимаю, вынесенный приговор никоим образом не ограничивает её в работе педагогом. А преподаватель Юлия Владимировна замечательный!

Агата решила, что пора и написала свой комментарий: Матвей, Евгений, а где же человеческое всепрощение? И вообще вы об учениках подумали? У меня в школе также было. Я тогда училась в шестом классе. Нашу любимую учи-

тельницу Валентину Прохоровну обвинили в том, что она взяла подработку, ей пришлось уволиться. Весь класс рыдал. Все эти открытые обсуждения учителей в глазах учителя – не педагогичны. Это разрушение психики детей. Потому что наверняка у Юлии Владимировны были любимые ученики, тёплая атмосфера урока...

И тут на Агату вывалилось килограмм гадостей со стороны некой Марины Андреевой. Это женщина или тот, кто был по её псевдонимом, набросилась, осуждая Агату за её посты, критикуя её рост, вес, грудь, слова, фразы, имя, названия.

Агата Потти не выдержала и ответила:

И причём тут звание моё? Уже не надоело обсуждать мою личность? И возраст у меня плохой, и грудь никчёмная, и тексты. Да, я – плохая. Вы все хорошие и супер. Поэтому займитесь своими делами. И забудьте про меня. Навеки!

Матвей ответил:

Агата, видимо, ты наступила людям на большую мозоль, чего же ты ждала? Им два года пришлось доказывать свою правоту, отстаивать свои законные права, терпеть нападки официальных лиц и официальной прессы, а тут ты со своими призывами подставить другую щеку. Реакция вполне адекватная. Ты хороший человек, Агата, но тут тебя не туда занесло, уж извини...

Агата ответила Матвею:

Я ни на кого не обижаюсь. Но я, честно, не ожидала, что камни полетят в мою сторону. Вспомни, в самом начале я

обратилась к тебе: как поживают люди? Какие они? И, вообще, какова жизнь в подобного рода городах? Но я не думала, на сколько всё будет жестоко и больно. Бог с ними.

Марина Андреева ответила Агате

Агата, навеки не получится, а обсуждаем Вашу личность исключительно потому, что именно Вы позволили себе не просто обсуждать, сплетничать и учить сочинительству Матвея.

Евгений Макаров ответил:

Матвей, и не нужно было Захаровой и покрывающей ее администрации устраивать травлю педагогов, заявивших о воровстве директора, на весь город

Евгений Макаров ответил Поти:

Агата, вы сути аргументов вообще не слышите, все только о себе, да о себе – бабский эгоцентризм.

Марина Андреева ответила Поти:

Агата, вот опять лжете. Не с этого Вы начали, а сразу же с осуждения, что не на те темы пишет. Вы свой аккаунт то откройте для комментариев, мы у Вас и спросим, как там Нижний поживает.

Поти ответила Евгению:

Вы уже начинаете по второму кругу. Проявите человечность.

Татьяна Егорова ответила Поти:

Агата, извините, Вам что "шестнадцать", в первый раз с жестокостью столкнулись? Беспросветное лицемерие. А ес-

ли не нравятся комментарии здесь, так может быть в Вас причина, ибо залезли Вы в Калашный ряд со своим рылом.

Поти ответила Марине:

Никакого осуждения не было. И сплетен тем более. Тем более лжи. Аккаунт открою тогда, когда захочу. С Матвеем у нас свои разговоры, про тексты и фразы.

Татьяна Егорова ответила Потти:

Агата, Вы – из племени мазохиста? Это Вы проявите человечность к обворованным педагогам, родителям и их детям, к семьям, которые осужденная разрушила. Хватит тут уже дуру включать, на "возвышенную экзальтированную даму" под которую здесь усиленно косите, Вы не тянете.

Поти ответила:

Татьяна, хорошо. Я проявляю человечность и прекращаю Вам отвечать.

Матвей ответил Потти:

Агата, ну, всякое бывает. Тут слишком больная и горячая тема. Люди обижены и раздражены, и я их понимаю. Ты попыталась защищать человека, который нагадил и не только не раскаялся, а ещё и бравивирует этим. Вот в чём дело... Отсюда такое раздражение и неприятие твоей позиции.

Марина Андреева ответила Потти

Агата, премного благодарны

Татьяна Егорова ответила:

Агата, ой а что же все свои неприглядные комменты удалили. Ай, все равно всё снято. На фото. И все отскринено.

Поти ответила с усмешкой:

Татьяна, это мой преклонный возраст виноват. Поэтому.

Простите старушку.

Марина Андреева ответила Потти:

Агата, опять изволите лукавить, это не возраст Ваш преклонный всему виною, а натура "уклонная" Ваша.

Поти ответила Матвею, переходя на ты:

Матвей! Если тебе не трудно, то напиши мне в личку суть данной ситуации: я попала к самому эпилогу, и поэтому мне непонятно: кто эти все люди. Сначала они произвели на меня кошмарное впечатление. Но волею судьбы и моего любопытства (кроме этого сейчас пишу новую книгу "Человека матрица вечная" и мне показалось – материал интересный, как живут люди в дальней провинции) я провела с ними 3 ночи, словно спала с ними. И сейчас я в них просто влюбилась. Для меня – разговор, а для них – жизнь (тут и грязь, и воровство, и оскорбления и «прочия» мерзости). Поэтому они обижены и поэтому кидают в меня камни, думая, что я ищу выгоду. Матвей! Напиши кто они? Сколько им лет. Чем занимаются. Напиши, если не трудно! Отрывки повести вышлю! И ещё, Матвей, прости, если я покритиковала твой текст. Ты же знаешь, я человек вообще добрый. А удалила я комменты, потому что всплыла, когда начали писать про мою грудь. Надеюсь, что всё у всех будет хорошо.

Евгений Макаров ответил:

Агата, ну и ладушки!

Наталья Буярова

Даже если ее отстранят без работы она не останется. Есть меценаты и создадут для нее частную школу, и все таланты уйдут из этого гадюшника. Можно давать частные уроки, педагог она отличный. А вот оставшимся я много раз повторяла и повторяю надо искать другое место работы. Уверена что чиновники "наверху" не простят им. Директора уже назначили, но и он не долго будет править. Терпение и услышим ещё об отставках и скандалах. Против кого потом "дружить" будут?

Марина Андреева ответила Поти, юродствуя:

Агата, от себя добавлю, напишите мне в личку, желаю больше о Вас узнать, о Вашей жизни в Великом граде на реке Амуре, желаю пойти с Вами народовольцем в Тамбовскую губернию, туда к крестьянам, боярам, кулакам, пахарям, токарям, птицам и рыбам, чтобы нести свет Вашего творчества, пора кончать с Пушкиным, пусть эти падлы Вас читают. Люблю, целую, преклоняюсь, взываю, умоляю, не судите строго, научите, наведите, подействуйте, хоть намекните, поднимем Русь-матушку, защитим от морских котиков вместе, повырвем им яйцо, грудью встанем за стяжателей, блудниц и педофилов, ибо никак нельзя травмировать психику детей, пусть продолжают свои дела в школах, садах и университетах (Ваше предложение гениально!). Великая Россия, все сдюжит, пока есть такие Светланы, Натальи, Елены. Душа моя, жду сообщения от Вас, не медлите, умоляю. Впе-

реди великие дела и медведи и берлогах! И о себе расскажем(уж простите ответчу за всех), только промазали Вы малек про географию, и Александр ничего не сможет рассказать о нас, по причине отсутствия знаний по этому вопросу, ибо не знакомы мы с ним лично, так как живём не в граде Сарове, а преимущественно в столице, в Московии, а некоторых и вовсе по всему миру разбросало нечисть ковидная. Но общее прошлое у нас, школа музыкальная, та самая, которую эта Нехристь Комсомольская обворовать изволили и о судьбе коей, Вы тут горюете не просыхая третий день кряду. Святая женщина.

Умоляем, не отвечайте, не отвлекайтесь на нас мелких людишек, пишите, творите, несите, уносите...отвалите!

Агата ответила:

Марина, вот так и подмывает ответить на ваш высокий слог, что я тоже в близко к Москве, видите ли, у меня дела, коими я занимаюсь в данный момент. А в Москве всё постарому – площадь Красная, собор, улицы, метро, автобусы, трамваи, электрички, Дума, округ, тюрьма, магазины, скверы, памятники. Если Вы тоже в Москве, то будьте осторожны из-за гололёда, берегите руки, ноги, рёбра, позвоночник, ушные впадины, особенно голову. Я, вообще, на этой страничке занесённая ветром, и уже унесённая. Но поймите, что при помощи агрессии и психопатии вы мало что добьётесь, а тем более от непричастных. Вот мне вас ещё больше жалко, нежели иных. Но я ситуацию вижу иначе, и надо отличать

педофилов от взяточников, поборников от коррупционеров, у вас как-то всё спуталось, сплелось, видимо, котики виноваты, мыши, бурундуки, мухи, учёные, мёд и брага. А уж намёки на якобы какие-то выгоды, сочинительства, песни, арии, оперы и разбор моих рукописей, ну совсем не пристало. А уж про грудь тем более, так и хочется спросить: завидно? Но я не стану этого делать и отвечать вам. Гололёд в Москве, гололёдушко. И я отвалила, как вы попросили. Да я и не наваливалась, не накатывалась, не налипала, не внедрялась.

– Ну, ты даешь! – Галя, прочитав все комментарии, просто схватилась за голову. – Разве так раскрутишься? Разве обретёшь подписчиков? Ты настроила против себя большую часть аудитории данного канала «Роза-7». Неужели ты не увидела, что за осуждённого педагога Юлию Владимировну Росинскую меньшая часть людей? А против больше?

– Увидела...но...

– Что «но»? – голос Гали, отвечающей Поти по сотовому телефону, сорвался в крик.

– Мне жаль этого педагога, как можно судит осуждённого человека? Её отстранили от должности. Не пожалели учеников. И вообще, где доказательство, что это не сговор?

– Доказательство – приговор условно на год.

– Но толпа требует посадить в тюрьму!

– Да...из тебя, Поти, никогда не получится блогера.

– Зато я познакомилась, хоть и виртуально с Марией, На-

тальей, Александром...

– Да? Ты уверена, что это не один и тот же человек, пишущий с разных аккаунтов? – усмехнулась Галя.

– Получается, что те кто за и те кто против всего два человека? Или три?

– Возможно!

– И никакого адвоката нет. И дяди нет. И денег тем более...

Агата почувствовала, как бьётся сердце в каком-то пространстве холода грудной клетки. И ей стало обидно за то, что комментарии были язвительными. А ведь эти люди её совсем не знают, кроме Александра, давнего знакомого. Знакомого по общественной деятельности.

Агату просто-таки передёрнуло от негодования.

– Успокойся, – предложила Галя. – Заблокируйся! Лучше будет... просто осядь на время. Отойди в сторону. А лучше совсем забудь этот случай...

– Какой из двух?

– Оба.

– Но я, наоборот, удвоено смотрю во все две стороны теперь! Мне жаль эту незнакомку Юлию Владимировну. И мне обидно, что подумали обо мне, якобы я хочу, чтобы она озвучила мои тексты, хотя у меня самой память чудесная и голос музыкальный. Я тоже могу петь!

– Пой! – Галя примирительно выдохнула. – Но больше не лезь на тот канал «Роза-7». Там чёрт ногу сломит. Да и непо-

нятно, кто хороший из них кто плохой. Кто кого подставил, кто против кого дружит. Я думаю, это какая-то шняга, как и наличие твоего Нигерийского наследства. Социальные сети полны мошенников, стяжателей...

– А ещё завистников, разводил, обманщиков, лжецов. Это словно в трамвае ехать, где кондуктор, пассажиры, карманники, дети, усталые женщины, больные бабушки, влюблённые, обиженные. Всё равно кому-то приходится стоять, кому-то сидеть. Кому-то водить. Кому-то домой, а кому-то на работу. Помнишь, тебя обворовали в трамвае? Две молодые девушки, одна отвлекала, вторая кошелёк тягала?

– Поэтому, выходи, твоя остановка, Потти! Хватит кататься. Пора и саночки возить. То есть вернуться к своим делам.

– К моему чудо прибору? Так он никому не нужен! – Потти была огорчена происходящим.

– Он нужен тебе, мне, Бонифацию! Кстати, я вчера прикладывала магнитный диск к больному месту! Супер, как помогло!

– Да...хоть кому-то польза...

– Что значит, кому-то? Мы – твои близкие.

– А я хочу помочь Деми, Юлии Владимировне и прочим обиженным и униженным...

– Обиженных целая страна! – Галя улыбнулась, понимая, что Агата – идеалистка. – И аферисты типа Олуфеме Лиджаду ищут тебе подобных. А некие Евгений Муравьёв, Саша Семов, Мария Андреева, пишущие не под своими именами,

жаждут, чтобы наброситься на тебя и погрызть. Хотя с большей частью аудитории ты не знакома.

– Хорошо! Я постараюсь не лезть более в пекло! – пообещала Поти.

Но у неё не получилось...

На следующий день Поти нашла на страничке «Розы-7» следующий комментарий в свой адрес:

Агата, а что же так ведетесь. Скучно. Агрессии, тем более психотамчегого в помине нет, избитый дешевый приём, Агата, особенно, когда в конце " а вас мне жалко" или " завидуете". А вот попытка, самой хоть как то возвыситься, унижая других, это, действительно, показывает некую ущербность, Вашу. Что- то ветер, принесший Вас сюда замучился, как я посмотрю, дуть в одну сторону. Спасибо за заботу о моем здоровье, как у нас у колдунов говорится, " что мне, то и тебе". Удачи, дорогая.

P.S. Джинсы со стразами по бокам в Москве не носят, тем более в сочетании с кокошником.

Татьяна Егорова ответила Светлане

Агата, детишкам-то вашим лет по сорок поди? И все нянчитесь?

Агата отшутилась:

Нет, как вам – по 150 лет.

Затем, понимая, что напрасно лезет, Агата не удержалась и написала:

Марина, надевают, как раз сейчас со стразами и с кокош-

ником, все поголовно, поименно, отечески и с любовью особенно в центре, по краям, вокруг и около, а ещё бутсы с цепями, ой, как хорошо на льду держат, поэтому не падаем и не ушибаемся, ручки-ножки не ломаем. А вот напасти на меня насылать не надо, жизнь – она бумеранговая, и про зависть это точная находка, займитесь собой, речью своей, поступками, и отцепитесь от меня, ну, что вы ей-богу, как маленькая, обиделись и давай цепляться, хвататься, юзать. В Москве музыканты, если они талантливые, очень хорошую зарплату получают, поэтому устройтесь на работу и музицируйте на здоровье, авось переключитесь. Можете в спорт зал сходить, будете хорошо выглядеть и фигура, и стать, и грудь 8 размера, которой вы позавидовали. Приходите в «Олимп», я там часто бываю. Поговорим с глазу на глаз, а то в соцсетях вы мастер лопотать.

Марина Андреева ответила

Агата, во- первых я не музыкант, а бизнесмен (прикольно, да?), во- вторых, мне пофиг на Вашу старческую грудь, была единственная просьба, при чтении своих патриотических нетленок, на компьютер ее не вываливать, Вы уж выбор сделайте, как говориться " или трусы надень или крестик сним". А вот то, что Вы тут мне стрелку на Кунцевской забываете... куда ж Флер " я не от мира сего" делся? Выпали из образа? Кстати, где в «Олимпе»? Или чисто по кокошнику ориентироваться?

Агата ответила Марине

Ну, вот, видите, какие у вас понятия – стрелка, трусы, бизнесмен, только и делаете, что унижаете... ну, дело ваше. Лучше книгу умную почитаю. Перепалка бессмысленна. Тошнит уже. Займитесь чем-нибудь полезным, если у вас денег куры не клюют. Надеюсь, что вы человек не такой уж злой, хотя зубы скалите. Да и человек ли вы вообще, фейк какой-то. ...Агата тошнит, так не отвечайте, а на налоги, которые я плачу Вам, мадам, пенсию начисляют, не надо, не благодарите. Не знала, что слова «бизнес и трусы» оскорбляют чувства периферийных женщин. Про книгу, хорошая мысль, одобряю, но терзают смутные сомнения, судя по Вашей способности всех и все вокруг обгаживать, превознося себя любимую, не свою ли книгу Вы читать собираетесь? Другие-то писать хорошо не умеют. И да, считайте меня фейком, но позвольте мне тогда воспринимать Вас, как пародию.

...И жаль, что кроме сисек вы ничего более не разглядели. Обычно мужчины туда в декольте смотрят... что же вы так равнодушны ко мне? Так и крутитесь возле "комиссарского тела". Да, точно вы – фейк. Озабоченный фейк. У меня, знаете, муж ревнивый. Поэтому на все ваши выпады (ужас какой-то!) вашу жестокость и разнузданность более отвечать не стану. И жаль, что кроме сисек вы ничего более не разглядели. Обычно мужчины туда в декольте смотрят... что же вы так равнодушны ко мне? Так и крутитесь возле "комиссарского тела". Да, точно вы – фейк. Озабоченный фейк. У меня, знаете, муж ревнивый. Поэтому на все ваши вып-

ды (ужас какой-то!) вашу жестокость и разнузданность более отвечать не стану.

Но Агата не выдержала и парировала:

Пародия пишется через "а", а вот порно через "о". И с грамотностью у вас плоховато. Так что не тратьте время, идите хотя бы грамматику почитайте. Авось и дорастёте до периферийных, а если повезёт и до столичных тоже. Я тоже работаю и налоги плачу. Не вы одна. И уберите эту картинку с вашей странички. Голубенькую. Успокойтесь-таки, валерьянку с валидолом примите. Или к врачу сходите, что-то у вас с нервами. Или пьёте?

В «Олимпе», куда пришла Агата, Марина так и не появилась. Это был обман канала «Роза-7».

Ещё одно письмо на электронную почту Агаты Потти было более поспешным, нетерпеливым:

«Товарищ Потти! Повторяю, мой моб: +234 803 3910079, я адвокат Олуфеме Лиджаду. Второе повторяю: US 313.580 млн. долларов вами могут взять. Можно уменьшить пошлину, ваш дед уже при смерти. Это возможно сделать... пока возможно.»

Куш-Кешбек – пульсационированный. ККП – вот как называть детище Потти Агаты. Самое подходящее название для этого интеллектуального изобретения! Названий много, но у Куша было настоящее человеческое имя. Но тоже пульсиро-

вало. Пульсации – это наша жизнь, это не предел, а констатация факта. Агата решила начать с презентаций своего Куша. Отчего бы нет? Ходить по кабинетам чиновников надоело. Стучать в закрытые двери тем более. И Агата представила, сколько вообще изобретений теряется на просторах чиновничьего отторжения. И назначила первую презентацию в кафе с бессмысленным названием «Родничок».

Агата надела шёлковое платье, бусы, туфли. Она надела тонкие колготки. Такие переливчатые, что ноги в них казались соблазнительно кокетливыми. И вся Агата, выходящая из лифта казалась сама себе праздником. Руки тонкие в кружевных перчатках, словно сами собой взмахивали, радовались лёгкому ветру. Складки юбки колыхались. Ноги, обутые в туфли, ноги женщины только что приехавшей из Испании, ноги – правая, левая такие послушные, такие цокающие каблучками – всё было лёгким, летящим. Вот говорят, что мы раньше летали, отчего же раньше? И сейчас можно!

Презентация прошла также легко и непринуждённо. В кафе сидели незнакомые Агате люди. Старик что-то записывал, у него была густая борода. Одет старик в затёртые джинсы, мятую рубашку. Он производил впечатление давно болеющего человека, поэтому любая надежда на облечение состояния организма, была для него как соломинка, за которую старик цеплялся. пытаюсь задержаться в этом мире хотя бы ещё на какое-то время. Агата подошла к нему первая и включила Куш на десять минут, приложив тонкую круглую

металлическую пластину к его жилистой, морщинистой руке. На запястье. Несколько секунд Агата улыбалась, глядя в глаза старику:

– Я не прошу купить мой прибор. Не прошу отдать мне деньги. Просто попробуйте. И всё. Кроме этого, заверяю вас, я не шарлатан. Я просто много читала книг по медицине. Но я не учёный, не физик, не лирик. Я человек, попытавшийся порыться в наших загадках. Кроме этого, у меня нет лицензии, и я покупать ничего не буду. Хочу показать вам, что есть надежда. Вот и всё.

У старика постепенно стали розоветь щёки.

– Но будьте осторожны: вводить в свою жизнь Куш надо постепенно. Знакомиться с ним, это как будто восходить на гору. Может сбиться дыхание. Могут начаться вибрации. Ибо ваша пульсация и пульсация всей галактики – это общее целое. На вас обрушится всё остальное, чем вы.

Агата убрала пластину с запястья старика. Тот продолжил сидеть на стуле. Он явно был очарован. Далее Агата подошла к девушке. Взглянула ей в глаза. И почему-то произнесла:

– У вас любовь. Она не лечится.

Затем Агата подошла к мужчине:

– Вам будет достаточно пяти минут.

Презентация продолжилась около часа. Агата поняла, что Кеш понравился всем. Старик подошёл после презентации и медленно произнёс:

– Я не богатый человек, всё, что получаю, я трачу на ле-

карство. Езжу в лес, подолгу сижу у реки. Но я бы купил ваш Куш-Кешбек...

– Ой, ну что вы. Я не продаю его. Пока идут испытания, – ответила Агата сдержанно.

– У меня нет времени. Вы сами сказали, что ваш дед умер, а вы не успели попрощаться. Продайте мне ваш Куш. У меня есть при себе небольшая сумма...

– Понимаете, все детали этого прибора были куплены мною по заказу. Затем сборка, изготовление пластин вручную. И повторяю: я хочу провести испытания.

– Где?

– В больнице. У своего друга. Донжа...

Или у кого-то другого. Донж навряд ли разрешит.

К разговору присоединился мужчина.

– Нет, правда, продайте. У него последний шанс. А вы ещё изготовите.

– А вдруг...

– Никаких вдруг! – у мужчины был твёрдый волевой подбородок. «Предприниматель!» – подумала Агата. – Хотите, я оплачу?

Старик протянул руки. Он схватил Агату за руки и опустился на колени.

– Ну, я не знаю, – Агата пожалала плечами.

– Я Матвей Матвеевич, и мы знакомы по социальным сетям. Помните «Розу-7»? – пояснил мужчина, – вот деньги. Но пришёл я сюда случайно. У меня должно было состояться

деловое свидание. Но человек не пришёл...

– Это вы. То есть ты? – Агата взяла деньги. Это была приличная сумма. Но отчего бы не помочь человеку, который сам просит о помощи. А в Куше женщина была уверена. До самоотречения. До самозабвения.

– Я вам оставляю свой номер телефона. Позвоните. И не обижайтесь...

– Что вы! – старик прижал к своей груди Куш. – Я даже никому не скажу где и что купил. И если что, то я сам виноват, что настоял. Сам у вас выпросил ваш неопробованный прибор.

– Да! – кивнул Матвей Матвеевич, – я свидетель. Ты упиралась. А мы сами выпросили и сами купили.

Агата ещё немного поколебалась. Затем махнула рукой. Тем более вырвать из рук старика что-либо было уже невозможно. И вернуть деньги Матвею Матвеевичу, человеку в имени которого два «Мм», было тоже невозможно.

Далее в социальных сетях Агата написала сложный путанный текст:

Какой смысл обречь себя на поиски какого-то обманного наследства. Адвокат, забудьте меня! Если вы не адвокат мой. А я не ваша. Но искать дедов и дедовы могилы – это мой новый путь в настоящее время. Ибо их имена выстроены во всехobelискаx. Дед, который вымышлен и дед настоящий – это два разных деда. Да, мне жаль чужого человека, находящегося в коме в Барселоне. Но мне больше всего жаль моего

настоящего деда. Ибо всем родившимся в моё время – между всеми молотами и наковальнями времени надо учиться помнить. Без наших дедов у нас бы не было того, что есть сейчас. Не было бы электричества, железных дорог, домов и городов, сёл и деревень, наших великих свершений и унижений. Высот и низин. Наших друзей и врагов. Любимых.

Без наших дедов не было бы нас.

Поэтому я решила – найду того самого деда, который есть на самом деле. Любого. Изучу всю родословную, все древо, корни и ветви. Изучу географию. Найду нужную дорогу.

Не в Испанию же ехать к чужому и странному Дему?

Не ловить же тушканчиков в Нигерии. С этого дня я блокирую сумасшедшего адвоката. И канал «Роза-7». Это лишнее, как являются лишними все препятствия по лицензированию Куша. Я найду своего настоящего деда.

Агата достала свой паспорт. С раздумьями прочла – Агата Захаровна Непёхина.

Отец – Захар Иванович. Дед Иван Иванович.

Вот его-то и надо искать.

Агата достала старую фотографию. Прочла пожелтевшую, выцветшую надпись: «Ни о чём не жалеет наша пехота, мы уже ваша солёная слеза, содовая вата, искра, которой прикурила звезда. Меня, наверно, проткнёт штыком фашист. Насквозь. Я сам протыкал его своим штыком до этого. Но не я начал первым. Он первый пришёл топтать мою землю. Я не приходил на его – Ганцевскую песчаную, кишашую рыбами

отмель. Поэтому если я лежу, глядя в небо своими бирюзовыми глазами, то я смотрю в своё небо. А он в моё.

Внуки мои! Если вы меня слышите. А я кричу вам из-под земли, то знайте, что фашизм это страшно! Я видел, как младенца втаптывали – кричащего, живого – давя его сапогами. Я видел как мальчика за ноги, как щенка разрывали руками. Я видел столько мерзостей! Не верьте тем, кто скажет, что фюрер и коммунист это одно и то же. Что гулаг и концлагерь – это идентично. Не верьте им! Это разные вещи. Полярные. Конечно, быть узником страшно. Но быть сожжённым в топке, растерзанным, с содранной кожей, изнасилованным, раздавленным, униженным, растерзанным, заморённым голодом фашистом и быть гулаговцем – это не одно и то же. Война и мытарство вещи разные, попрание человеческого достоинства и душевного слома. Это не уравнивания. Это не попытка оправдания не человечности и зверя. Фашист – это зверь. А красный молох – это молох.

Между ними идейная разность. Вы все крепко спите на наших телах, глазницах, черепках, костях. Наши крики раздаются из-под железобетона. Вы видели, как отделяют мясо от кожи младенца, как люди разбрасывают свою кожу, как чрево испортой матери исторгает крики крови, вы видели фашиста, съевшего губы дитя? Даже вши разные – в концлагере они мелкие, а в гулаге жирные и яркие, шепелявящие. Их давишь, а они скрипят. Клопы разные. Тараканы не такие. Как мне вам доказать это различие. Только своей смер-

тью. Зверь и человек понятия разные. Фашист – это зверь. Мнящий себя царём человека. Однажды я выкрикну: Хочу, чтобы мои дети росли счастливыми, все дети, чтобы им светило солнце, чтобы их омывал дождь. Радуга, лучи. Я уже уголь. Я даю улицам имена. Городам. Пусть будут фильмы о нас, мультики, песни и стихи про лучшее, мирное и доброе. Пусть барабанщик сойдёт с пьедестала, выломав арматуру и прильнёт губами к горну и воспоёт про величайшее благо, про воздух этого счастья, ибо поэтому мы тонули, горели, дрались храбро. До смерти. И пусть смертью будет доказана та огромная пропасть между фашистами-зверьями и НКВДшниками. Гетто и НКВД это – не одно и то же. Как закон о пяти колосках и зверь с когтями. Как пятьдесят восьмая статья и бездна сатанинская.

И легкие кленовые палочки пусть застучат в барабан, встанут все трубачи мира. Вновь ринутся красные командиры защищать страну. Как я смогу доказать эту большую и бесспорную разницу? Чем?

Слезами на моей могиле...»

ЧАСТЬ 2

ДЕД

Для сравнительного анализа Агата вычитала в интернете:

«...в «сталинские лагеря» попадали только те, кто нарушил тогдашние законы, по приговору тогдашних судебных

органов на сроки, указанные этими органами. И никак иначе. Можно много спорить о несправедливости законов сталинской эпохи. Но законы везде меняются – и что казалось вчера справедливым, сегодня кажется произволом.

Концентрационные лагеря появились более века назад. И служили они для концентрации (сбора и удержания) какой-либо части населения по формальному признаку. Изобретатели концлагерей – англичане – держали там семьи буров, держали в жутких условиях, иногда расстреливая партии заложников до полного прекращения сопротивления со стороны буров-мужчин.

У нацистов были концлагеря. Нет, туда попадали не по приговору суда. А без суда и приговора. Заключённые концлагерей работали, умирали. Но они не рассчитывали на выход на свободу, ибо у них не было сроков заключения, не было статей, по которым они сидели. Они должны были находиться в концлагерях, пока не умрут.»

Но Агата видела проблему шире: классовая борьба у одних. И борьба за уничтожение у других. Доказывать свою правоту всё равно, что испытывать ломки.

Знаешь, это как боль, словно шар в горле колкий, словно ходишь по кругу и об стену горохом.

Ты им приводишь примеры, говоришь то, что плохо.

А у них иные установки, иные задачи.

Твои доводы абсолютно для них ничего не значат.

Ты им про деда, погибшего от ран под Демидово.

А они про деда в гуглаге убитого.

Говорят: и то, и другое похоже.

Ты им – в концлагере сдирали кожу.

высушивали под лампами человека,

вымораживали в холоде. И нередко

ставили опыты, мол, мы – высшая раса.

Вам оспу, чуму, вы низшая каста.

Доказывать им свою правоту, хоть сама обессилена в споре.

Отвернулись друзья. Подпилился фундамент в опоре.

Но стоишь на своём, словно рана в тебе ножевая,

с каждым часом всё хуже тебе, а ты шепчешь права я, права я!

Покрывает твой лоб пот соленый, жемчужный и крупный.

Не запить анальгином, не хлебом заесть и не супом.

И вином не запить, никакой закурить сигаретой.

Лишь одно остаётся – права ты, как искорка света,

что в конце у туннеля. Идёшь по нему дальше, дальше.

и твоя правота – лишь одно это нужно и важно!

Агата вышла из магазина. Много ли надо им двоим – Агате и Бонифацию? Набор для борща, свежий хлеб и колбаса. Возле дверей незнакомая женщина подбежала к Агате, прося денег:

– Женщина, женщина, сколько можете, на дорогу.

Женщина была в маске, сейчас многие так ходят. Агата достала из кошелька мелочь.

«Неужели я так плохо выгляжу, что даже попрошайка обратилась ко мне со словом «женщина»? Что же не старушкой назвала? Надо срочно сходить к косметологу! Преобразиться. Последнее время у Агаты много сил отнимал Куш, затем эти письма из Нигерии, затем желание где-то раздобыть средства для путешествия на могилу к настоящему деду, похороненному в братской могиле.

Каждый вечер звонил Матвей Матвеевич, интересовался, как идут дела.

Естественно, всё также.

Ваш Куш. Агата, ждут несколько моих знакомых. Я им порекомендовал.

Но надо как-то зарегистрировать его. Получить лицензию. Иначе это кустарщина. И противозаконность.

Боюсь, что у вас никогда не появится лицензии. На это нужны большие средства. А у вас их нет... конечно, какие-то деньги у вас есть, Агата, но не те. Вы же знаете, что твориться в науке. Да и в медицине. Пока всё устаканится. А жизнь-то не такая уж длинная.

Голос у Матвея был бархатным.

Матвей был женатым человеком.

И сколько бы Агате не льстило внимание этого человека, но кроме дружбы быть с ним ничего не могло бы. Никогда. С Донжем было тоже всё кончено. Предатели и бабники не для Агаты.

– Матвей Матвеевич, у меня нет мастерской, где бы я си-

дела и мотала диски. У меня не хватает деталей, их надо заказывать в Китае! – возразила Агата. – Поэтому не торопите меня. Я собрала для себя ещё один Куш. И всё. Пока всё.

– Но это же не бесплатно! Вам люди отдадут деньги, – Матвей был настойчивым. – Понимаете, мой сосед, он журналист. Но он инвалид с детства. Ноги не слушаются.

– С Кушем надо обращаться осторожно. Постепенно. Вдруг у вашего соседа давление? Сердце? Сосуды слабые? Мне потом из-за вас в тюрьме сидеть, что ли?

– Ну, Агаточка, ласточка... что вы какая тюрьма? – Матвей улыбнулся – Разве только приятное путешествие в Сибирь! Или куда вы там собрались на могилу к деду?

– Хорошо. Ещё один раз, последний! Больше не просите!

И Агата назвала стоимость своего изделия.

Денег должно было хватить на дорогу, гостиницу, еду и тёплое пальто. Матвей перечислил чуть больше, чем сказала Агата.

В Тюмени было прохладно. Ветрено. И чуть сиротливо. Агата долго торговалась с таксистом. Он никак не уступал.

Вдруг женщина услышала, что её кто-то выкрикивает по имени:

– Агата Захаровна! Я вас сразу узнала. Даже со спины! А я – Юлия Владимировна Росинская! Какая встреча!

Агата крепче повязала шарф. Валил снег. Вьюжило.

– Садитесь. Я сама заплачу за такси! – у Росинской был

командный голос. Такие властные нотки и учительская выправка. Пухлые руки в красных перчатках. Надменный рот. Агата послушно нырнула, как рыбка в реку, на заднее сиденье. Пронизывающий ветер буквально сносил с ног. Росинская ловко юркнула рядом.

– Вам куда, Агата?

– В гостиницу...

– Вы определились в какую? – Росинская вела себя по-хозяйски. И Агата подумала, что такой властной и яркой особе просто позавидовали. И поэтому, скорее всего, и прицепились к её недостаткам: сребролюбию и жадности.

– В Центральную. У вокзала, – Агата втянула воздух. Пахло сладкими духами. Обычно такого вида женщины: пухленькие, крашеные блондинки пользуются ванильным мылом и сладкой зубной пастой. Они любят копчёную колбасу. Голландский сыр. И хорошо готовят борщи.

– Советую поселиться в «Англии». Это уютное место. С питанием...

Агата послушно кивнула.

– А вы знаете, я вам очень благодарна! Вы незнакомый человек со стороны и так яро заступались... Знаете, в маленьких городах часто такой беспредел... Объединяются в группы, в общие компании и нападают. Хайпуют... А я вот решила уехать на время. У меня здесь тётка по отцу живёт одна. Старенькая уже. Я ей помогу, поухаживаю. А дочь с мужем на время в деревню махнули. Думаю, что придётся квартиру

продать и уехать из Сарова. Всё так болит... сердце... нервы на пределе.

– Ну, зачем же так? Даже квартиру? – Агата поёжилась. – Это жестоко...

– А вы как думали, Агата. Так сложилось... ну, может, не совсем продавать, можно пока на время сдать жильё. А вот дача у нас, Росинских, в деревне хорошая, тёплая, муж давно хотел заняться ремонтом. Там и детсад есть приличный в райцентре. А денег с аренды хватит на питание. Да и у меня немного осталось, я же не всё отдала. Кое-что припрятала! – Росинская улыбнулась. – Вот возьму с Тюмени и на работу устраюсь. Мне уже пообещали престижное место. Со временем, чуть деньги подкоплю и квартиру выхлопочу!

Агата лишь улыбнулась в ответ: «А я-то три ночи не спала, за эту оборотистую женщину переживала! А тут всё на мази... И мне эти Натальи-Александры-Евгении-Марьи писали, что это у меня от возраста бессонница... оскорбляли...»

– Вот и «Англия»! Приехали! – Росинская медленно повернула голову. Распахнула ресницы. Глаза синие...

– Спасибо! – Агата открыла дверь и вышла из такси.

– Да, что вы! Это вам спасибо! Вот мой номер телефона...

И Юлия Владимировна протянул визитку Агате.

На улице ещё больше выюжило. Пальто продувало насквозь ветром, широкие полы развевались, редкий мех застывал сосульками и охлаждал щёки. Женщина спешно поднялась по широким ступенькам.

Номер был и вправду хорош. Высокий потолок, яркая люстра, тёплая перина на кровати.

Утром Агату разбудил стук в дверь.

– Ой, кто же там? И что ему надо? – сонным голосом выкрикнула Агата.

– Вам посылка! – извиняющимся голосом ответила горничная.

– Сейчас открою!

Агата накинула халат и распахнула дверь:

– Вообще-то я не заказывала никаких посылок!

– Вы Агата Захаровна Потти? – у горничной были смешные веснушки и детские пухлые губы.

– Да...

Горничная вошла в номер и положила внушительный пакет на диван. Затем улыбнулась всеми своими веснушками, извинилась и вышла.

Агата пошла в ванную комнату: умылась, причесала волосы. «Кому в такой ранний час понадобилось дарить мне пакеты? Это, наверно, какая-то ошибка...» Но Агата развернула подарок и ахнула: там была шуба. С капюшоном! Серебристый мех переливался. Ещё в пакете были унты, два свитера, тёплые клетчатые брюки!

Кроме Росинской никто этого делать не стал бы. И Агата схватила телефон, набрала номер. Всё внутри у неё обдавало жаром! «Зачем, Юлия, зачем вы это сделали?» Росинская сладко позёывая, ответила: «Не волнуйтесь, я ни копейки

не потратила...я просто отдала вам то, что вам положено!»
«Как так не потратила? Опять своровала?» – выдохнула Агата. «Нет. Эти вещи мне малы по размеру! Видите ли, Агата, я от переживаний поправилась жутко! Шубу я надела всего пару раз...» «Но вы могли бы продать эти вещи! Вам что деньги не нужны?» «Агата, это лишь крошечная доля моей благодарности...ну не отнимайте у меня возможность делать добро. Просто так. Как вы! Тем более торговать мне сейчас некогда: тётка в тяжёлом состоянии. В больнице! А эти вещи лежали у неё, потому что, приезжая в гости, я переодевалась во всё теплое! Сами понимаете, Агата, что тут не Сочи! Поэтому носите и не капризничайте. А мне некогда...»

Агата примерила вещи. Они оказались совершенно впору. И эта фраза Росинской: не лишайте меня возможности делать добро...

Придётся не лишать!

Агата позавтракала. Затем решила отправиться на автобусе в село, где раньше проживал её дед Иван с семьёй. Ей хотелось, как можно больше узнать о нём.

А затем Агате надо было переночевать ещё одну ночь в гостинице и отправиться в Тверскую область. Именно там находилась могила деда.

Конечно, можно было сократить путешествие, не лететь в Тюмень, а отправиться сразу по назначению. И Бонифаций тоже говорил о том, что Агата делает крюк. Но женщина решила, что пройдёт весь путь, который прошёл её дед...

Мы воевали... за родину! Конечно, это плакатные слова... для тех, кто не воевал. Но родина всегда выглядит больнее, если ты ранен...

Ивану Ивановичу было всего тридцать семь лет.

Провожая его, жена – её, Агаты, бабушка Шура напекла пирожков. И рассказывая об этом, она плакала. Агата помнит эти крупные, прозрачные слезинки. Алмазные.

– Ой, дитяtko, вот ты уже взрослая, тебе можно сказать...

– Скажи. Скажи. Я уже в институте учусь.

– Вот когда диплом получишь, скажу...

Бабушка Шура хотела рассказать о том, как мёрзлую картошку ели. Как штопали бельё. Как дрова она таскала, надорвалась, как спина болела, колени ныли, как ступать было больно. И валенки дырявые. И мороз лютый. И как одной тяжко-о-о...

Но рассказала совсем о другом. Вечером Витенька – младшенький, девяти месячный не засыпал никак. А попрощаться с Иваном Шуре хотелось всласть. Ночь-то когда ещё с мужем выпадет, да и выпадет ли вообще? И свою женскую надо справить радость, и мужу угодить. И долг бабий. Но Витенька куражился, животик выгибал, видно чуял, что мать волнуется. Шура несколько раз в одеяло его заворачивала, выходила во двор, убаюкивала, но только стоило вернуться, Витенька тут же начинал хныкать. «Спи, маленький, спи...»

«Давай я убаюкаю, – муж брал на руки сына, долго хо-

дил по избе, бесполезно, не спал малец, – может голоден?» «Давай уж покормлю!» – Шура несколько раз прикладывала сына к груди, тот вяло чмокал, сразу же засыпал, но с колыбельке снова начинал горланить. Шура снова закутывала Витеньку, надевала тёплые панталоны, зипун, выходила во двор, долго стояла на морозе, клала сына на лавку. Так продолжалось больше часа, а то и двух. Лишь под утро Витеньку сморило, он заснул в своей мягкой колыбельке, а Шура легла под бок к мужу. На лавке зашевелился старший сын, скоро в школу, затем подняла голову дочка. Иван понял: уйдёт на войну не солоно хлебавши, не обласкав женского тела. Шура так умаялась, что лежала рядом, обмякнув, в полусне. Иван снял с жены штопаные рейтузы и перецеловал каждую заплатку. Жадно обмусолив женские руки, которые от стирки в холодной воде, покрылись пупырышками. Жена совсем сморилась, заснула. А когда глаза открыла, то поняла уже утро, муж пьёт кипяток, заедая пирогом. Дети уже убежали в школу, а Витенька всё также безмятежно спал. Шура вскочила, протёрла глаза:

– Может, завтра поедешь с обозом?

– Нет, нельзя так. Война не терпит мягкости. Вернусь, тогда уж помилуемся.

Иван крепко подпоясался, надел валенки, шапку, протянул руки к жене:

– Давай прощаться.

– Я до поворота провожу.

– А если Витенька проснётся? Оставайся!

Муж крепко поцеловал жену:

– Жди уж!

– Пиши. Ты пиши нам. А я уж дождусь. Никуда не денусь: шестеро на руках!

Он крепко обнялись.

Шура только одно и вспоминала потом, как муж заплатки целовал на панталонах. А ведь у неё, у Шуры, и хорошее бельё было, да не успела надеть...

И всё эти заплатки её мерещились. Все три года. Да штопаные рейтузы.

Похоронка пришла в сорок третьем.

Агата хорошо помнила бабушкины руки, всегда в цыпках. примороженные. А панталоны бабушка не выбрасывала, как можно, их же Иван все перецеловал. Так и лежали эти панталоны в сундуке. Затем, наверно, их выбросили вместе с другими вещами. Или старьёвщику отдали. Он часто разъезжал по деревне, собирал, выменивал, сдавал в утиль за несколько копеек, а то и пару рублей.

Верблюжье седло находилось за сорок километров от Тюмени. Агата быстро доехала до села, нашла нужную улицу, дом. Постучала в дверь. Двор был широким. Именно тут бабушка качала на руках Витеньку. А он тоже помер. И все шестеро дядей и тётушек умерли. И мама Агаты, и отец. Занавеска на окне походила на тряпку в заплатках. «Как бабушкины панталоны...» Тени тоже были в клеточку. И забор. И

калитка.

Вот из этих панталон все мы и произошли...

Из упругих бабушкиных заплаток.

Агата улетела из Тюмени на следующий день. Бонифаций удивился, что так быстро прервалось путешествие. «Мам, тебя не узнать, ты в этой Сибири приделась, ну прямо невеста на выданье!» – улыбнулся сын, встречая Агату в аэропорту. «Так вышло...» -уклончиво ответила Агата. «С чего это вдруг?» «Да, это всё увлечение моё блогерством. Я встретила случайно Росинскую, она расстаралась и отдала мне вещи, которые ей не нужны!» «Эх ты...щедрая душа...видно ты ей здорово помогла!»

Пульс бился всё также ровно и празднично. Он дергался своим капюшончиком под кожей, словно порхающий предмет.

– Вернулась, барышня? – поинтересовался Матвей. Голос у него был ровный, немного поверхностный. Было ясно, что он звонит из любопытства.

– Да! Но не рассчитывай, что я снова буду собирать Куш. Даже если кому-то плохо, нестерпимо, У кого-то совсем никак. И этот кто-то президент всего земного шара! Я не буду! – последнюю фразу Агата произнесла по слогам. – Куш не зарегистрирован. И на поток я его ставить не стану. Прослыть шарлатаном на старости лет я не собираюсь. Моё изобретение принадлежит мне. Если я начну собирать по десять

штук в месяц, то мой талант пропадёт. И Куш станет бесполезной вещью, как тысячи ненужных пустышек в мире. Ты понял? Это редкая вещь. Это почти сказка. Ещё один атавизм в мире – это перебор!

Агата не стала слушать ответ Матвея. Ещё раз позвонит – сменю номер!

И всё тут!

Я – невеста на выданье!

Так говорила бабушка Шура. Она так шутила. После смерти Ивана, бабушка Шура так и не вышла замуж.

Не потому что, кому я нужна с шестью детьми? Не потому что бедное хозяйство. Не потому что, хворь зимой одолевает. Не потому, что детей обувать-одевать надо, а тут ещё один рот. Не потому, что, а вдруг пропойца попадётся. А по другим причинам. Потому что до сих пор Ивана люблю. А то, что его убили, так любви это не помеха.

И вот ещё был случай. Зимой раз в неделю Шура к Ивану успевала на заимку сбегать. Отпускали мужа редко, было много работы, а свидеться хотелось так, что невмоготу. И вот один раз супруги ушли подальше в лес. Они не просто любили, они оторваться друг от друга не могли. И не просто занимались любовью, как сейчас говорят, а погружались друг в друга, целовали во все места. Щёки, подмышки, животы, соски, пальцы, копчики – всё было мило им друг в друге. И весело так любили они. Много шалили, дурачились. И вдруг забрели в тихое место, сухое. Долго лежали, накрыв-

шлись пальтишками с головой от комаров. Целовались, трогали, нежились. А тут глядь, солнце садится уже, надо обратно идти. Как шли сюда позабыли, долго плутали. Шура сокрушалась: дети дома одни, а ей до темноты надо в избу попасть. И Витенька наверняка заливается плачем. Что мы наделали? Иван взял жену за руку и сказал, ну, что ты, дорогая, найдём дорогу. А там и подвода, кто-нибудь найдётся в Верблюжьё Гору ехать. Пошли. Шура и перестала причитать. Даже вздыхать не смела. Лес был густой. И вдруг на одной берёзе словно икона Богородицы светится вся, цветиками лазоревыми. Шура невольно перекрестилась, Иван её обнял, прижал, ощущая какие хрупкие косточки у жены, какая она мягкая вся. И жалось в сердце торкнулась, инда пульс всколыхнулся на запястье. А тут и дорога перед ними. Главный тракт, что как раз на деревню, и из-за поворота лошадка знакомая показалась. В повозке женщины сидят, Шурины соседки. Иван подхватил жену под руки, посадил её в серёдку, где сена побольше, платком накрыл. Езжай, мол, любимая, поспешай. А сам по следу, по следу бегом ринулся, чтобы на ужин не опоздать, хоть на чай успеть вечерний. И всё ему берёзовая икона маячит, как словно сама движется.

Также и на фронте было первое время.

Да и не погиб бы Иван, но ранен был сильно.

И в яме с мертвыми провалялся долго, пока советские войска не подошли к Демидово. И такого Иван наглядился с этой фашнёй! Как младенцев топтали, как за ножки бра-

ли и головой, что щенёнка об дерево, чтобы мозги вывалились. А какие мозги у дитя? Розовые. Вот в чём отличие, суки фашистские, дряни, оправдывающие, ровняющие фашню с ГУЛАГом, призывающие к проще-ни-ю-ю. Вас бы так башкой о ствол дерева.

Дуры глиняные.

Курвы вонючие.

Иван бы и рад помочь детям, да руки все перебиты у него были, он сознание терял время от времени, как выбраться из-под груды мертвецов? Словно из-под камней, из-под бетона, когда ослаб и сам полумёртвый.

Его и спасли эти мертвецы Ивана. Бабка с вспоротым брюхом, старик с выдранный глоткой, женщина, ещё молодая, видимо фашня её сначала насильничала, а ребёнка из живота вырезала и ещё живого в костёр бросила.

Нюрнберг, это ещё слабо. А что немцы на суде плакали, так это ложь костяная. Это кровь младенцев из них убитых вытекала, став прозрачной и чистой как ручей.

И не стыдно вам про плач фашни писать, как ваши пальцы не повыдирались? Кости не поломались, и комп не сгорел? И ногти, что же не повылазили? И глаза на месте остались. О, тогда глядите моими глазами, мёртвыми моими созвездиями, сухими моими зрачками.

И те, кто опубликовал ваши романы, тоже живы? И типографии у них не рухнули. И плиты бетонные стен не полопались? Трясись земля, жми их тела к себе жарче, ещё жарче.

Вот тебе и святая ненависть.

Вот она в сердце Агаты.

И ещё спросить бы: много ли за заказной романчик дали? Так и вспоминаются Дрожжина-Цывин, да их все махинации с мастерскими. Эх, придет время... пульс забился сильнее, яростнее, вспомнились Агате бои в интернете за честь и достоинство Юлии Владимировны. Ну, настоящая Дон Кихотиха... и мельницы ветряные вот они – в этом странном приборе, в этом изобретении Агаты. И вихревые потоки. И мысли порхающие, как малиновые цветики.

Куш! Куш!

Ещё один сделаю, решила Агата, тем более проволока осталась.

А характер у неё, как из редкого материала скроен, из nano-частиц, их алмазной крошки, из кевлара, аэрографиата, кремния... упорства, хоть делись им! По крупнице дари, на ломти кроши и нищим раздавай.

– Агата, я больше не буду просить тебя об изготовлении Куша! – написал сообщение Матвей, когда понял, что женщина внесла его номер в чёрный список. – Разблокируй меня...

Но не тут-то было. Агата перестала отвечать на сообщения и звонки. Последнее, что она сказала Матвею:

– Я не хочу, чтобы мой талант изобретателя был поставлен на поток. На конвейер. Не могу слушать про всякие по-

ощрения, премии, награды.

– А про что ты хочешь слушать? Это же естественный процесс. Тебе нужно просто спасибо? Благодарность? – усмехнулся Матвей.

– А что может быть лучше благодарности излечившегося человека? Даже собака хвостом виляет в знак одобрения. Кот мордочкой трётся пушистой.

– Хорошо я тоже повиляю и потрусь! – продолжил Матвей. – Я тебе предлагаю конкретно: разбогатеть!

– Да ты что? – Агата поджала губы. Ей было неприятно, что человек, с которым она была знакома всего пару недель, лезет в её дела. Она знала, что Матвей Матвеевич имеет диплом врача. Знает всё про связки, суставы, клетки и эритроциты. И даже сам пытался узаконить своё небольшое открытие про жировые отложения. Их пользу и вред. Но в первую очередь пользу. И он думал, что Агата просто интуитивно нащупала связь электрических импульсов с импульсами пульса.

– Тебе не обидно, что изобретение пропадёт, а люди не излечатся? И помрут раньше времени? – Матвей был настойчивым.

– Ты знаешь, найдётся тысяча причин, чтобы помереть, а уж во время или нет, не нам решать!

Матвей знал, что когда Агата нервничает, она немного заикается. И последняя фраза прозвучала – «н-н-не н-н-ам ре-е-ешать...», как козлик промекал.

– Разбогатеешь на чём-нибудь ином! – стараясь завершить разговор, произнесла Агата. – Тем более ты не женат и вам вдвоём с мамой немного надо. И при твоей зарплате и маминной пенсии – так вообще слишком. Могли бы кое-что бедным раздать!

– Не сердись!

– Уже рассердилась!

И Агата с этого момента прекратила всякую связь с Матвеем.

Какой смысл дружить с человеком, который не твоего поля ягода. И вообще не ягода, а гриб засохший?

– А вы разве договаривались о дружбе? – ответила Галя Агате, когда та позвонила ей и рассказала о нахальной выходке Матвея.

– Есть вещи сами собой разумеющиеся... мне вообще не это надо было! И ничем торговать я не хочу! Я мечтала просто помогать людям...

– Не расстраивайся. А Матвею скажи, чтобы отстал. И забыл дорогу в твою сторону. Тебе сейчас просто нужен жених. А не сотрудник! – выпалила Галя.

– Какой ещё жених?

– Во фраке и с бабочкой под марш Мендельсона!

– Да мне сейчас бы хоть кто-то ламбаду бы предложил. После поездки в Верблюжью гору и встречи с Росинской ни о чём не могу думать, только о своём деде...

Ночью Агате приснился сон. Про Донжа. Видимо, любовь не прошла. И его отношение к Агате, то есть отсутствие любви к ней тяжкими веригами, кандалами, арестантской робой были для Агаты. Как будто некий терновый венец, впивающийся колючками в чело. Словно цепочки наручников. Словно свая вбитая сквозь тело. И чрево Агаты напоминало гербарий мёртвых бабочек. Лед. Внутри Агаты был лёд. А тут ещё Донж ворвавшийся в её сны. Такой нежный. Пристрастный. И его тело рядом. И возле. И сверху. И ощущения все те же – сладостные. Никто не смог бы заменить Агате Донжа. И она это твёрдо знала. И лишь ночные сладострастные объятия, ласки, поцелуи, поглаживание груди и лона – всё это заменяло реальность. Утром Агата долго не могла прийти в себя, её сжигала ревность, понимание того, что Донж с другой...

Мой бывший сейчас с другой женщиной спит. Ест. Пьёт.

Но придёт мой час. Когда-то. Через год-другой. И Донж поймёт, что любит её – Агату. Должна любовь появиться. И Агата знала, что Куш способен и на это. Ибо любовь это химическая реакция.

Лишь поэтому Агата взялась за изобретения своего пульсирующего устройства.

Она прочла, что «высокий уровень норадреналина в мозге стимулирует выброс дофамина, который называют «гормоном счастья», потому что он отвечает за чувство эйфо-

рии и радости. Дофамин напрямую связан с системой вознаграждений, отвечающей за развитие зависимости. Именно он определяет зависимость не только от наркотиков, но также от телевидения, секса, еды или человека, которого мы любим. Именно дофамин подталкивает нас к поиску ситуаций и мест, которые вызывают чувство удовлетворения. Увеличение количества дофамина при влюбленности тесно связано с дефицитом серотонина. В свою очередь, недостаток этого нейротрансмиттера приводит к тому, что человек ощущает полный беспорядок в своей голове...

Агата помнит то своё замешательство, хаотичные действия, проблемы со сном. Она раскрыла тайну, что наиглавнейшую роль в этих химических процессах играют отдельные клетки, как говорят – феромоны. Куш умел распознавать их количество.

А окситоцин влияет на долговечность отношений, заставляет женщину защищать своих детей и проявлять нежность к своему партнеру. В свою очередь, под влиянием вазопрессина между партнерами устанавливается прочная связь, мужчина становится заботливым по отношению к будущему потомству и агрессивным по отношению к другим самцам. Вот окситоцинов-то Донжу не хватило, вазопрессин оказался не на высоте. И Агата теперь работала над тем, как впрыснуть Донжу недостаток нужных окситоцинов. Именно направленных в сторону Агаты.

Она набрала знакомый номер Донжа. Сердце заколотит-

лось...

«Когда об одном я мечтаю, что вдруг да случится дорога, что свет звезд скрестится, что переплетётся наш путь.

Что вместе окажемся. Вдруг, да какой-то автобус, какой-то трамвай, электричка и космос свернутся в петлю. Мы вместе, прижатые, словно бы ленточный Мёбиус, как будто сплетённые в сладкое слово – люблю!

Да, сколько угодно ты мне говори: вырви, выбрось.

До старости лет говори, хоть до молодости этих лет.

Но есть ещё связанность, скрученность, пламенность, близость,

хотя справедливости нет...»

И тут же прервала звонок. Циферблат Куша зашкаливал.

Агата вбила девять цифр в память прибора. С этого момента Донж перестал сниться. И Агата смогла успокоиться.

Матвею женщина строго сказала: нет, и не надейся!

– Ну, как знаешь... если что, то я на связи! – ответил Матвей, понимая, что с «этими изобретателями» лучше дела не иметь. Все они прибабахнутые.

И Матвей перестал звонить Агате. Да и надобность в этом пропала. У Матвея появились новые возможности для практики. Горизонты раздвинулись сами по себе.

И Агата занялась своим делом. Дальнейшим поиском могилы убитого в войну дедушки Ивана. Словно кожей она ощущала, как это было страшно. Ночь. Мороз. Дед в промок-

шем от крови бушлате. Осколки по всему телу. То озноб, то жар. Не пошевелиться никак. Ни выпростаться, ни выползти...трясло всё тело, каждую косточку. Хотелось, чтобы не болело так жутко. Чуть-чуть поменьше. Хотелось пить, и дед слизывал с мёртвых лиц снег, чтобы как-то утолить жажду...

Сначала Агата списалась с администрацией посёлка. Потому что ехать в никуда не хотелось. Бонифаций предложил: ехать Агате на машине самостоятельно. Но не сейчас – зимой, по льду, холоду. А весной, когда появятся первые одуванчики.

Поэтому зиму Агате, надо было как-то пережить, накопить сил и хорошенько подготовиться. Она много гуляла, ходила по улицам, раздумывала.

В парке. В сквере. В детском городке, где качели, карусели. Где пахло детством. И е любимым Донкихотством, романтизмом.

Тем более, что колесо обозрения издалека походило на мельницу.

Неожиданно Агата услышала, что е окрикнули. Сначала она не поверила: это был его голос. Бархатистые нотки.

– Донж? – Агата замерла.

– Красивая какая! Приделась? У тебя кто-то появился? – Донж подошёл ближе. Модное пальто. Шляпа.

– А ты всё такой же...

Голос у Агаты дрожал. Она поняла: что любовь никуда не

делась, она также горяча. Страстна. Неумолима. И всё также больно.

Полынь-ягода...

– Ты чего тут? – спросил Донж, приобняв Агату за талию.

– А где же мне ещё быть? Как не здесь? Ты же сам мне всегда говорил, что я неизлечимая Донкихотствующая дама. Чистый романтик. Что у меня нет твёрдой опоры. – Агата решила не отстраняться. Пусть – обнимашки, так обнимашки.

Затем последовали такси, квартира, где проживал Донж. Стук в стену. Мама возмущалась. Она не любила Агату. Она не могла простить сыну то, что он выбрал «не ту»...маме было почти восемьдесят лет.

Он целовал Агату: всё вперемежку. Лицо, руки, живот, грудь, попадая в горячее, в сладкое, во влажное. Если бы Донжу надо было переночевать, лёжа на Агате, она была бы не против, да хоть зимуй на мне. В их единении было что-то от Евридики, Антея, Самсоны. И тело, разметавшееся на постели – это всегда на грани жизни и маленькой смерти от разлуки. И это всегда прощение, его – Донжа, вечно гуляющего по чужим кроватям. Так было и на сей раз.

– Когда-нибудь я выйду замуж...

– Я не женюсь...

– Тогда и я не выйду...

Но надежда на то, что она станет женой Донжа, всё-таки теплилась слабеньким огоньком в душе Агаты. И ничем эту надежду невозможно было заглушить, как костёр без воды.

Надо было ждать дождь. Ливень. Иначе весь лес спалится, вся роща, луга и деревни... Зови пожарных.

Агата заснула крепко прижавшись к Донжу. Так, чтобы не осталось ни одного миллиметра зазора между их телами. Пышная грудь Агаты разметалась. Донж был большим и тёплым. И в его ладони могло уместиться всё лицо Агаты: щёки, лоб, нос, чуть приоткрытый рот. И влажное дыхание. Тёплое, как у овечки. Во сне Агата и Донж несколько раз, снова и снова раскидывались телами, вжимались в друг в друга. Общались на языке неугомонных тел.

Вот бы вцепиться в него руками, ногами, обвить бы его и не отпускать никуда. Никогда. И умереть в один день.

...Дед Иван ещё за неделю до ранения был в бою. Деревня какая-то неказистая, он даже название не запомнил. То ли Теша, то ли Тёща. Немцы отчаянно сопротивлялись. Жгли дома, сараи. Пахло гарью, дымом, горелым мясом. И вдруг в крайней избе он увидел мальчика, тот сидел на корточках за камнем. Поле, рощу, белую зимнюю дорогу Иван не запомнил, а только круглый камень на окраине и мальчика, неподвижно сидящего. Наверно, мёртвый? Потому что мальчик сидел, скрючившись, неподвижный. И вдруг Иван заметил, что фриц целится в ребёнка, именно специально хочет выстрелить, гад. Что ему ребёнок-то сделал? Лучше бы свою шкуру спасал! Иван прижался к стене избы, единственно целой, зажмурился и от живота от всей души полоснул в сторо-

ну фрица. Тот повалился на бок, морда наглая, но, видимо, успел-таки выстрелить. Но попал не в мальчика, а в молоденького солдата, выскочившего из укрытия. Иван ринулся к мальчику, взял его на руки, прижал и кинулся в силосную яму за огородом потому, что раздался выстрел. Этой фашне отчего-то мешал ребёнок, и они хотели непременно его уничтожить.

– А хрен вам!

Мальчик был жив, не ранен, не покалечен, просто напуган сильно. Иван прижимал его сильнее и сильнее, как словно Витеньку своего. И слёзы покатались сами из глаз. Рядом лежал убитый солдатик. Иван посадил ребёнка возле дровяника и стащил с себя разорванные ботинки. Затем по-деловому разул убитого, на нём были тёплые валенки, совсем новые, овечьи. Это было необходимо, чтобы жить, потому что ноги мёрзли каждый раз, как ватные. Мальчик упорно смотрел как Иван обувался, поглаживал голенища

– Ни чё, ни чё, нам ещё с этим вот товарищем в бой идти.

– Так он же мёртвый! – в ужасе прошептал мальчик. – Как вы с ним пойдёте?

– Как, как с криком ура! У него валенки-самоходки!

– Волшебные? – спросил мальчик.

– Тёплые!

– Тебя как зовут?

– Коля...

После боя бойцы сели у костра греться. Стали топить снег,

кто-то достал тушёнку, бросил в котелок. Коля ел жадно, шмыгая носом.

– Куда мальчика-то девать?

– Куда, куда, дадим винтовку и до Берлина! – пошутил веселый веснушчатый сержантик. – Да, Николай?

У мальчика были огромные синие глаза. Иван запомнил этот пронзительный недетский взгляд. И тощие руки. Белые, как кишочки.

Ночью Коля спал рядом с Иваном. Но в детдом мальчика не успели отправить. Его убили фрицы. И свалили в яму. Ту самую могилу, где два дня лежал израненный Иван.

Они оба долго летали по небу. Как ангелы. Ангел Коля. Ангел Ваня. У ангелов нет возраста. Они уравниены. У них даже нет тела. Они воздушны.

Они слышат слухом убитых. Видят глазами сожженных.

Агата неожиданно для себя начала писать письма.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

...А до меня – глухослепой – мой дед вдруг взял и докричался!

Из той могилы под землёй, из-под плиты, асфальта массы.

Из-под травы, кустов, шмелей, что вьются скопом все, в прозрачных

предлетних платьях. Из корней,

его пронзивших тополей.

А крик был сумрачным, горячим! Он дымом пах тугим,

табачным.

Надолго, больно и про нас. Пока мы помним запах, цвет, пока мы помним вкус, слух, зрение.

Так просто этот весь запас забыть на век, на год, на час, забыть однажды за мгновенье.

Кто перенёс болезнь – гас свет – тот знает на вопрос ответ!

Дед докричался до меня, дозвался, довопил, доплакал, пронзённый кольцами огня, пронзённый изнутри, с из-

нанки,

раздавленный фашистским танком,

а позвоночник – всклень, плашмя...

Кого прощать, либерошня? Фашист – он есть фашист, фашня!

Мой дед не даст простить, убитый! Дерев корнями пере-
витый!

Как детям это донести бы, рождённым в девяностый год?

Ломающим всклень монолиты, основы заповедей, плиты.

Кричи, дед, плачь им в сердце, в лоб,

в штрих-код, в сознание, пин-код.

Путь это будет, Авве Отче: молитва, вгрызшаяся в свод!

ПИСЬМО ВТОРОЕ

И ты хочешь надсмотрщицу в Освенциме оправдать? И ты хочешь простить её? Ты придумываешь балетный трюк, Стокгольмский синдром? Ты не смеешь делать этого!

Кто ты? Моя бывшая подруга:

Как со связкой гранат нам бы вместе, обнявшись.
Две сестры,
две подруги.
Не знаю, как стало,
но поделены мы на своих и не наших...
Я так сильно устала.
Нам бы хлеб преломить с луком, розовым салом.
Я – последней рубахой к тобой, с одеялом,
всё, что хочешь, бери,
всё, чтоб в жизни сгодилось!
...Но на поле мы боя, как будто с тротилом.
Ах, ты Брут мой, ты тонким стилетом мне в спину.
Мне бы в ноги упасть, о, прости мне, прости мне.

Но не так, по-другому, всё хуже и гаже:
в соцсетях, в интернете, в твоих чёрных списках!
Отмотать бы обратно на семь лет иль даже
лет на шесть. На двоих у нас только ириска,
бутерброд, сыр и спирт. Мы идём по аллее.
Защитить как тебя от меня? Так жалею...
А теперь кто мы? Кто? Кактус, зерна пырея?
Я над раной твоей руки, словно бы грею.
А тепло ль тебе, девица-красная, ясная?
Как с убитой снимаю я валенки: вязаны,
биты катаны, шерстью овечьей прошиты.
Мы не дальние, близкие самые. Язвами

расползаются швы. Ты не плачь, ты – убитая!

Эти тонкие плечи, сорочкии рёбрышки,

эти губы дрожащие в полуулыбочке.

...Но последним ты выстрелом целиться пробуешь
и зажаты в горсти – не цветы, а булыжники.

Иногда Агате казалось, что ангел-Коля и ангел-дед Иван плывут над ней, шелестя крыльями, дыша в затылок. Они так и остались вместе. Большая мозолистая рука деда и хрупкая, белая рука Коли.

И Агата купила два букета, подходя к мемориалу.

Мемориалу в центре города.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Если бы ты знал, дедуля, что я пережила! Меня предала моя подруга Галя. У неё фамилия Фломастер. Да-да. Галя Фломастер. Она мнит себя мастером. Мастер-фломастер.

Это было страшно. Я увидела сначала Донжа. Его спину. Его родную кепку. Затылок. Лопатки под курткой. Рядом – Галя. Они стояли вместе на площади. На моей любимой. Где когда-то гуляли мы. Я начала импульсивно искать пульс на запястье. Мне необходимо было остановить его бег. Его прыжки.

Его кровоточащие под кожей завихрения. Сумасшедшие. Дикие африканские пляски.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Позвонила некая Марина Андреева. Сказала, что она жена Матвея. Готова купить мой Куш. За любые деньги. Я отказалась.

Тогда позвонил Матвей Матвеевич, извинился за звонок жены. И тоже попросил об одолжении. Их семейству срочно понадобилось лечение. Диалог был следующим:

– Я повторяю, что Куш я больше изготавливать не стану. И продавать не залицензированный прибор не буду. Это чревато. Тем более я уже столкнулась с этой «Розой-7». Неприятная компания. И что за мода такая набрасываться группой на человека? Напоминает разборки девяностых.

– Агата, я извинился. Мы готовы отдать вам любую сумму. Матвей повторял и повторял одну и ту же фразу.

– С чего вдруг такая спешность? Буквально несколько месяцев тому назад ваша жена обзывала меня – старухой. Лживой тварью. И, о, вас ли я слышу – «извините, прошу. Откуда такой лексикон вдруг? – съязвила Агата.

– Дедушка, который лечился вашим Кушем, полностью поправился...

– Откуда такие сведения? Вы навещали его?

– Я звонил ему, – уточнил Матвей. – А ведь у него третья стадия была. Неизлечимая.

– Тогда какие ко мне вопросы? Человек купил Куш. Поверил. Исцелился. Деньги, которые были мне выплачены, я потратила. Презентация мне была нужна для самоутвержде-

ния. Самоуважения, что ли. Ибо много было поставлено на кон: мои средства, моё время, мои мысли, расчёты, планы, чертежи. Я долгое время провела за чтением и изучением анатомии человека. Ещё что-то мастерить не собираюсь. А вот обmaterить вас и вашу компашку очень бы желалось!

Агата хотела прервать разговор. Связываться с Андреевыми ей не хотелось. После неудачной попытки блогерства, Агате хотелось просто забыть этих людей и «Розу-7», как страшный сон.

– Понимаете, что Куш работает!

– Спасение одного человека – это не спасение всего человечества! Отвяжитесь от меня! Если хотите, то более грубо отвечу: пошли на фиг!

– Ладно, – миролюбиво ответил Матвей, – не хотите зарабатывать, дело ваше, но вы же говорили о своей высокой миссии, о благом деле!

– Ошибалась! – соврала Агата.

Если уж заниматься высокой миссией, то не с аферистами и прощелыгами!

Подумала Агата. В душе она сожалела, что вообще знакома с этими людьми. И ещё больше пожалела, что ей не с кем посоветоваться. Галя Фломастер ей более не подруга. И Донж не жених. Только вот эти родные лопатки, ключицы, кепка, шея, спина – всё напоминало о такой боли, что даже любое движение причиняло страдания. Особенно под вечер. Или когда смотрела кино, где влюблённые целуются. Боль

становилась огромной. Она выходила за пределы тела. И тогда Агата включала Куш.

Но позвонить кому-то и поговорить Агате было необходимо. Она набрала номер Юлии Росинской.

– Алло! – ответ был бойким и четким. И одновременно мягким. – Потти, я рада тебе!

– Юлия Владимировна. Юлечка, ты где сейчас, в Тюмени? – имя Юлечка прозвучало, как Елочка.

– Нет. Я вернулась в Саров. Тётя уже старенькая. Инсульт был у неё. Вот уже девять дней прошло...

– Да... сочувствую.

Агата подумала, что рассказывать о настойчивом предложении Андреевых не имеет смысла. У Росинской свои проблемы. Но она вопреки своему решению выпалила одним махом всё, что было на душе. Прямо-таки, словно пуля вылетела. Агата говорила и говорила, чувствуя с каждым словом, что ей становится легче. Андреевы казались не такими уж страшными и противными.

– Да ладно! Они мерзкие! – возразила Росинская. – Правильно, что отказала им. Ничего не продавай и не покупай у них.

– Я так и сделала...

– Слушай, Потти, в Тюмени осталась квартира тети моей Динаиды Рангнау. Такая у неё фамилия была. Литовская. Я сама хотела тебе звонить... понимаешь, я пробовала продать. Но дом находится на окраине. На отшибе города, цену на-

зывают смехотворную. Да и квартира маленькая. Мне она просто не нужна! Муж устроился на высокооплачиваемую работу. Я даю частные уроки музыки. Это дает возможность побольше находиться с сыном. Вадиком!

– И что? Я тут при чём? – Агата подумала, что Росинская просто прихворнула после похорон и всей шумихи с ними связанной.

– Теперь ты хозяйка этой квартиры. Я решила её переписать на тебя!

– Зачем это? Мне с Бонифацием неплохо живётся!

– Стоп! Потти! – Юлия Владимировна перешла на приказной тон. – Бонифаций скоро женится. Он уже встречается с девушкой. Ты же сама говорила, что тебе приходится уходить в магазин, когда влюблённые приходят попить чай. И ты понимаешь, что кроме чая с сахаром и варенья с конфетами, эта парочка бежит скорее совокупляться, пока ты находишься на прогулке. Это первое. Второе – Тюмень и Верблюжье – это твоя вторая родина. И третье, там ты сможешь заниматься своим любимым делом. Да и от этих Фломастеров и Андреевых подальше.

– Что же мне теперь от всех бегать? А если в Тюмени я нарвусь на подобных прощелыг? – но предложение Росинской Агате понравилось.

Она давно хотела сменить обстановку. И эта душащая боль. Эти кошмарные мысли...если бы не Куш – спаситель и успокоитель, действующий, как хорошее снотворное, то со-

всем невыносимо, отвратительно. Дождливо на душе...

– А знаешь, муж рассказывал, что Андреевы ездили к какому-то старику, якобы выманили у него твой Куш на время. Разобрали его, наняли специалистов. Теперь налаживают серийное производство! – Росинская произнесла информацию залпом, словно бы метнула на стол, мол, кушайте, Агата! Угощайтесь новостями досыта! И не хотите ли добавки?

– Разобрали Куш на детали? А затем собрали вновь? – Агата словно не удивилась. Она опнимали, что такие люди способны на всё.

– Именно так. До винтика! До гаечки!

– А кто же им дал разрешение на массовый поток?

– Нашлись люди... за взятку, наверно, – предположила Росинская.

– Дураки!

– Ты думаешь?

– Конечно. Просто собрать и разобрать – это значит, сломать! Куш больше работать не станет. Хотя все лампочки будут мигать. И ток по проводам будет продвигаться с нужными амперами. Но лечебного эффекта Куш не даст...

– О... секрет изобретателя! Узнаю Агату Потю!

– Юлечка...

снова имя Росинской прозвучало, как Ёлочка.

– Никакой тайны нет. Здесь нужно внутреннее чутьё. Я собирала свой первый Куш десять лет! Я подстраивала его под свой пульс. Мой большой палец вечно сдавливал запястье.

Я искала свою пульсацию везде: во время похода в магазин, прогулок по парку, в трамвае, во время ссор с мужем, во время примирений. На свидании с Донжем. После свидания. Засыпая. Просыпаясь. Я изучала малейшие колебания. Я как последний онанист, занимающийся самоудовлетворением, занималась этим на лестничной площадке, в коридоре своего института, в туалете, в столовой. На изучение амплитуд и графиков ушло полжизни!

– То есть, просто подобрать детали, сложить пазы, ввинтить провода и включить в сеть – этого мало? – Росинская обрадовалась. – Нужно ещё что-то?

– Понимаешь, любая формула сборки, даже строжайшая строгость и точность её – не гарантирует врачебные качества! Их просто нет! Они появляются в том случае, когда вложена душа...и ну, словом, ты поняла?

– Молитва что ли?

Агата на мгновение замолчала. Ей не хотелось объяснять подробности. Какой смысл? Педагогу без технического образования говорить о фазах переменного и постоянного тока?

– Да, вроде того. Это некое подобие лунного календаря, когда можно сажать морковь, салат и помидоры! А когда можно зачинать сына. И когда выть на луну!

– А-а-а... Называй меня Ёлочкой, – Юлия ловко перевела разговор. Она совсем не разбиралась в технике. Даже в своём авто. Она всё время обращалась к мужу, называя пе-

дали резиновыми штукаами под ногами, а ручку переключения скоростей – лаковой палкой между сидениями. – Луна это интересно! И посадка моркови! Надо будет посоветовать свекрови, чтобы она читала посевной календарь.

Бонифаций легко воспринял новость об отъезде Поти.

В конце концов – получить в подарок квартиру, хотя и крошеную, хотя в Тюмени, да хоть за полярным кругом бесплатно – это большая удача для мало зарабатывающей матери. И то, что Поти приделась в стильную одежду, преобразилась внешне – Бонифацию, несомненно, нравилось. Он уже устал, что мать выглядит замухрышкой в её вечно балахонистых юбках, в широких брюках, в каких-то застиранных кофтах и растянутых свитерах. А тут ещё и квартира в подарок! Тем более, что Пот действительно грудью-прямо встала на защиту Росинской, что помогло поменять мнение об этой вороватой женщине в соцсетях, в обществе. А это в наши дни дорогого стоит!

Так подумал Бонифаций. Но в ответ он лишь кивнул. Улыбнулся. И по-доброму приобнял мать. А жизнь-то налаживается! – хохотнул сын, провожая в последствии Поти на вокзал.

Бонифаций проснулся от настойчивого стука в дверь. «Кому ещё не спится?» – подумал он и направился в прихожую. Это только в книгах бывает: накинул шёлковый халат,

надел тапочки и шаркающей походкой в развалку пошёл открывать. Нет, Бонифаций по-спортивному ринулся в прихожую. Он подумал, что вернулась мать, что ей там в Тюмени не понравилось, просто стало одиноко, вот Поти и вернулась.

Нет, на пороге стоял незнакомый мужчина.

– Если вы сосед снизу, то у меня ничего не течёт. Если вы слесарь, то идите спать. Если бомж за деньгами на бутылку, то выйдете, я вам дам опохмелиться! – выпалил Бонифаций незнакомцу.

– Не угадал! Я – Матвей Андреев, просто знакомый вашей мамы. Мне нужна помощь.

Глаза у мужчины блуждали, словно существовали отдельно от лица. Он дышал прерывисто. Что-то было в нём отталкивающее. Неприятное. Бонифаций вспомнил, что мама рассказывала о некой группе людей, с которыми она познакомилась на сайте, пытаясь заработать хоть какие-то деньги. И ещё Поти предупреждала Бонифация о неких аферистах, пытающихся завладеть её Кушем. В книгах обычно пишут: незнакомец был плотного телосложения. На нём была шляпа, пальто и кепка. Но перед Бонифацием стоял какой-то неприятный тип без опознавательных знаков. Некая субстанция, сыворотка, кефирная закваска в виде человека. Бонифаций понял, если он закроет дверь, сказав, что мамы нет. Уехала. То начнутся расспросы: куда, зачем, дайте адрес.

– Тогда выйдете на улицу. Сядьте на скамейку, я оденусь, присоединюсь к вам, и мы поговорим, – голос у Бонифация

был спокойным. Даже чуть вялым. Это отрезвило Матвея Матвеевича.

– Захватите чертежи!

Бонифаций не стал спрашивать: какие? Для чего? Это было бы глупо. И неверно. С такими, как Андреев надо вести себя сдержанно. И попытаться извлечь хоть какую-нибудь выгоду. Или, по крайней мере, выйти сухим из воды. Из этой мутной жижи, в которую его пытается погрузить эта кефирная масса.

– Понимаете, я всё поставил на кон! – воскликнул Андреев, когда Бонифаций сел рядом на скамейку. Было раннее утро. Осыпались листья. Шуршал ветер. Ничего особенного, обычная среднестатистическая сентябрьская погода.

– А-а...ну и что? – кивнул Бонифаций, позёвывая.

– Вы молоды, и вам не понять! А у меня семья! – Матвей Матвеевич то и дело срывался на крик. – Я встретил вашу маму на презентации её разработок в кафе. Один старичок купил её Куш и излечился. Ещё многим людям, кто занимался этой практикой, полегчало. Я выпросил у старика Куш на время, потому что ваша мама наотрез отказалась изготавливать эти приборы, аргументируя тем, что это незаконно, ибо не утверждено в Минздраве Мы с моей женой и приятелем Евгением – инженеры! Кое-что понимаем в технике. Мы разобрали прибор, составили схемы. Купили оборудование, сняли помещение. Изготовили около десятка опытных образцов, сделали рекламу. Продали. Но, увы, люди стали

жаловаться на то, что Куш – это пустышка! Стали угрожать судом. Нас вот-вот повяжут...

– А причём тут я? – Бонифаций пожал плечами.

– Где ваша мама? – Матвей Матвеевич схватился за голову, затем вскочил на ноги и вцепился Бонифацию в куртку. – Я готов отдать любые деньги! Любые! Скажите, где она?

Двадцати четырёх летний юноша понял: тут одной улыбкой не отделаешься. Тут нужны радикальные меры. Бонифаций оттолкнул Матвея Матвеевича:

– Мамы пока нет.

– Где она?

Бонифаций махнул рукой, очерчивая ладонью круг над головой, заводя глаза и хмыкая носом.

– Она больна?

– Вроде того, – кивнул Бонифаций. – Но это не совсем болезнь. Там нечто иное.

– Она в психушке? – выпалил Матвей Матвеевич.

– Ну...

– Я так и знал! Она мне сразу показалась невменяемой! Но отчего же первоначально Куш помог некоторым людям?

– Совпадение. Ну, молитвы там...знахари. Обереги. – Бонифаций снова неопределённо махнул рукой. – Тем более Минздрав и прочие инстанции отказали.

– Дайте мне чертежи! Они у вас с собой?

– Ну...просто так я вам ничего не дам, – Бонифаций упрямо поджал губы.

– Сколько? – Матвей Матвеевич сунул руку в карман.

– Вы же сказали, что у вас ничего нет. Что вы всё поставили на кон...

Бонифаций давно хотел приобрести машину. Пусть подержанную. Пусть «Калину». Денег у него особо не водилось, Бонифаций содержал свою девушку Лилию, подрабатывал в баре, ночью дежурил на вахте.

Матвей Матвеевич молча достал пачку купюр. Это была тоненькая такая пачечка пятитысячных.

– Давайте чертежи этого Куша.

– Натё, – Бонифаций с готовностью первоклассника протянул три папки, которые Потё оставила в шкафу. – Здесь всё, что было. В первой папке изначальная версия. Во второй доработанная и в третьей окончательная. Там есть подробное описание. Чертежи. Планы. Последовательность сборки. Надеюсь, теперь вы отстанете от нас?

– Отстанем!

– Тем более, мама вообще бросила все занятия. И у неё, по слухам, отказала память. Ну, там всякое такое... Да и возраст! И переживания. Словом, склероз! Она и меня-то с трудом узнаёт. А теперь к ней вообще не пускают! – нагло соврал Бонифаций. А сам подумал: «То же мне, гиперболоид инженера, как там его, Гарри. Говорящая голова Доуля...»

Бонифаций не считая положил деньги в карман куртки. Матвей Матвеевич, не вставая со скамейки, стал перелистывать папки. «Ах, вот оно что! Соединение. Видимо, дело в

нём! И ещё вот тут какие-то штрихи... ах, да слева надо было сделать напайку...»

«Ни припайки, ни впайки тебе, гад, не помогут! – подумал Бонифаций. – Тюрьма таких только может исправить да могила!»

Так и случилось. Через пару месяцев всю группу, именуемую себя «Роза-7» привлекли к суду за мошенничество.

– Боня! Ты – умничка! – воскликнула Юлия Владимировна Росинская, узнав, как ловко Бонифаций провёл Андреева и всю его «Розу-7». – Да какая это роза? Чертополох поганый!

– Всем дали от семи лет...но они выйдут и начнут мстить...

– К этому моменту ты уже купишь дачу в Испании! – улыбнулась Росинская. Голос её по телефону звучал, как музыка. – Бонифаций! Это победа. Это месть за мою испоганенную карьеру. И это закон бумеранга в действии!

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Бонифаций, мальчик мой...

Дитяtko моё, куколка, зайчик...пишу для тебя эту книгу исцеления! Как правильно, как верно, на моих голосах! Но это будет полуправдой, ибо всю правду выложишь, а она становится меньше от сказанного. Становится каплей. Она суживается до малых размеров, как шагрeneвая кожа. Кожа

кож. Но само понятие исцеления – оно цельно, и может от капли зачатое, вырасти.

Итак, берём провода. Проволоку медную. Генератор синуса. Трансформатор. Преобразователь переменного тока. А ещё статика. И...о. О! то самое, что делает целебное целебным. Тяжёлое тяжёлым. Светлое светлым. Я всё пропускаю через себя. Тонкую пластинку я кладу на своё пульс.

Я его снова ищу. Ищу в людях, в каплях дождя. В снеге. В факте рождения. Когда начинает болеть поясница, ноет живот, крошатся миры. И в этот момент надо найти то, что есть основное для вселенной. Прибор для исцеления. Я тогда очень болела. Нуждалась в поддержке. Но меня предал любимый. Предала подруга. Но им обоим было хорошо вдвоём. Ей и ему. Они исцелились от одиночества. Они спали, дера между совими етлами мою книгу исцеления. Она была потоком воздуха. Она была в ягодичных впадинах и выпуклостях. Она была между их рёбрами, между ключицами, между их животами. Она уплотнялась в паху. Она выплёскивалась из них и падала в пропасть.

Я бы могла исцелить многих. Но иные, другие были неизлечимо больны. Жадностью. Эгоизмом. Себялюбием. Таким книга исцеления не нужна. Точнее для таких, она бесполезна. Даже если это мои близкие люди. Галя и Донж. Ближе их только ты! Бонифаций! Пройдёт время, и ты поймёшь, как любила. Любила один раз, но так, что нашёлся способ исцелять людей.

И вот мой главный секрет: Это та самая кроха, добавка, довесок. Но именно он делает белое белым. Чёрное чёрным. А лечение исцелением. Изобретатель не должен быть в момент сборки Куша больным. Нет, разговор идёт не о температуре, насморке, чихании, кашле. А о том, чтобы внутри было – свежо, чисто, румяно. Я имею в виду внутри сердца. Потому что пульс собьётся. И будет выдавать погрешность. Самую махонькую. Но будет. И тем самым реализация процесса на лицо. Это не учёл Матвей Матвеевич. Он занимался механической сборкой. Купил площадь под цех. Линию под сборку генератора тока. Приобрёл катушки. Но ни один прибор им собранный не имел той степени резонанса, которая требуется данному конкретному человеку. Это называется – не вложил душу. Нет, отчасти его Куши целебные. Им требуется лишь подбор хорошего здорового тела для начала. То есть надо перед тем, как врубить выключатель, подобрать по частотам от триста четырнадцати до тысячи.

Я люблю больше всего торы.

Их забавные кругляшки. Помнишь, в детстве у тебя были такие? Разноцветные пластмассовые побрякушки? Сыночек, а помнишь, как мы ходили в парк, кормить уток белым хлебом?

А помнишь, как ты сам пошёл и записался на танцы?

А помнишь, как я застала тебя за курением сигарет?

И как ты выкурил первую травку?

А я не заметила.

И лишь потом, когда ты впервые был задержан в милиции с огромными расширенными зрачками, я поняла, в чём дело.

И вот тогда я начала изобретать свой Куш. Он был не больших размеров, работал на батарейках. И я тебе его подкладывала под матрас до тех пока, ты не бросил курить.

Второй мой Куш не принёс мне радости.

Он не умеет возвращать людей. Он умеет лишь лечить. Остальное ему не ведомо, как прощение, покаяние. Ибо это не материально телесные субстанции.

Ещё один Куш я продала, потому что хотела самоутвердиться.

А вот четвёртый, самый точный, гениальный, продуманный находится всегда с мной. Что тебе рассказать о Тюмени? Сынок, я беременна. Нет, это не непорочное зачатие. Это просто факт. Отец твоей будущей сестры...

Ой, подожди, звонят в дверь. Наверно, соседка. Это милая старушка. Она часто просит меня сходить в магазин за хлебом. Она одинокая. И я ей помогаю. Она очень похожа на мою маму.

Но манеры разные: мама иногда меня колотила по голове. А я никогда... тебя ни разу не отлупила. И сестру твою тоже не стану. Соседку зовут баба Катя. И ещё расскажу немного о Донже. Я его любила когда-то...

Вот и всё.